

Татьяна Устименко

Сумасшедшая принцесса

Как же зовут тебя, красави... Ой!

Татьяна Устименко
Сумасшедшая принцесса
Серия «Хроники Рыжей», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167459
Сумасшедшая принцесса: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2008
ISBN 978-5-9922-0095-9

Аннотация

Судьба жестоко посмеялась над Ульрикой де Мор, обделив ее привычными женскими качествами, а взамен наделив отталкивающей внешностью, родством с самой Смертью и привычкой дерзко смеяться тогда, когда все остальные – плачут. Отправляясь на поиски брата, она оказывается втянутой в жестокую игру Великих демиургов. Создатели не просто передвигают фигурки – они делают ставки, и причем не только на демонов и некромантов, орков и драконов, но даже на бессмертных богов. Вступившая на путь Чести, героиня добровольно отказывается от счастья, любви и жизни. Казалось бы, такой персонаж изначально обречен на гибель. Но ведь она – Сумасшедшая принцесса...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	45
Часть вторая	48
Глава 1	48
Глава 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Устименко

Сумасшедшая принцесса

Сумасшествие – психическое заболевание, выражающееся в способности совершать неадекватные, рискованные поступки, частую несущие прямую угрозу для жизни больного.

Из медицинского справочника

Пролог

Сады не радовали. Редчайшие растения, собранные со всего мира, трепетно пронесенные через порталы, бережно посаженные и отлично прижившиеся. Сады – достойные богов. Не радовали. Наряды из бесценных эльфийских шелков, обильно изукрашенные самоцветами. Приелись. Огромная библиотека, переполненная раритетными манускриптами, надежно оберегающая все тайны магии. Наскучила до смерти. Уроки волшебства под руководством мудрой и внимательной богини Аолы...

Ринецея завистливо посмотрела в сторону учительницы, заинтересованно наблюдающей за тиглем, где закипал очередной экспериментальный декокт. Глаза ученицы пылали ненавистью, смазливое личико перекошилось. Ну и что, что магичка? Подумаешь... Ну и что, что воспитанница самой богини? Ерунда. Да, хорошенькая, да, могущественная. Но ведь не красавица, не всесильная, как... некоторые. Злобный взгляд Ринецеи, словно притянутый магнитом, неотступно следил за Аолой, деловито сновавшей по лаборатории. Кровь стучала в висках, во рту пересохло от волнения и предвкушения. Как демона ни учи, во что ни одевай – Тьма прочно укореняется в черных сердцах. Богиня ошиблась, да еще хуже того – забыла, что за ошибки приходится платить. Вознамерилась перевоспитать юную, щедро одаренную способностями Ринецею, сделать из нее доверенную помощницу. А вместо этого пригрела в своем доме лживую, опасную тварь, с каждым днем все больше и сильнее ненавидящую добросердечную наставницу. О, если бы глаза Ринецеи могли превратиться в лезвия острых кинжалов...

Молодая демоница вздрогнула от собственных смелых мыслей и испуганно выпрямилась в кресле, уткнувшись в рукоделие, которым она занималась лишь для виду. Но богиня так ничего и не заметила, по-прежнему увлеченная алхимическими опытами. Тогда Ринецея осторожно вытянула из широкого рукава тонкое, длинное лезвие. Боязливо извлекла дагу из бархатных ножен. Вот он, решающий момент! Отныне история этого мира начнется заново, с чистого листа. Ибо в руки Ринецеи попала сама «Нумриэль Алатора» – «Усыпляющая игла», легендарное оружие демиургов, не что иное, как один из шести клинков Оружейницы, способных пошатнуть основы мироздания. Убить Аолу ей, конечно, не под силу, но... Ринецея гибко и бесшумно выскользнула из кресла, одним внезапным прыжком подскочила к богине и вонзила волшебное оружие в незащитную, доверчиво открытую спину, достав до сердца.

Аола вскрикнула и повернулась к предательнице. Прекрасное лицо побледнело, вялость холодной волной разлилась по телу. Раненая пыталась поднять руки, успеть нарисовать в воздухе хоть одну исцеляющую руну, однако магия «Усыпляющей иглы» действовала быстро.

– Как же ты посмела, девочка? – недоуменно шепнула Аола, опускаясь на пол.

Яркие зеленые глаза затуманились и закрылись, длинные локоны рыжих волос разметались по плечам.

Торжествующая демоница склонилась над спящей богиней:

– А вот посмела! – мстительно прошипела она. – Не ожидала? Ты глупа и наивна. Не тебе править миром. Отныне он будет принадлежать демонам. А ты, – подлая тварь пренебрежительно толкнула ногой бывшую покровительницу, – ты никогда не станешь прежней властительницей! Ты даже самой собой уже не станешь!

Одним размашистым движением Ринедея срезала кожу с безмятежного лица спящей богини и наложила ее на свое перекошенное от радости лицо. Белоснежная, подобная лепестку розы, оболочка немедленно приросла к плоти демоницы, придав ей внешность богини Аолы.

Лже-богиня еще раз насмешливо взглянула на лежавшее перед ней тело, пугавшее видом обнаженных окровавленных лицевых мускулов, и громко, победно расхохоталась.

Часть первая

Глава 1

Еще в самом раннем детстве я неоднократно убеждалась в том, что разительно отличаюсь от всех прочих детей. Они просто не хотели со мной играть. Дети слишком быстро перенимают лживые повадки взрослых, поэтому внешне все выглядело вполне пристойно. Стоило мне только войти в комнату, где находились мои братья и сестры, как они тут же принимали чопорный вид и демонстрировали безупречные манеры, присущие отпрыскам благородного рода. Но принимать Мою Светлость в свои игры отказывались категорически. Самым бесцеремонным человеком в замке была немолодая нянюшка Мариза, которая имела привычку, высунувшись в окно третьего этажа, голосить на весь двор, призывая Мою Светлость выполнить какие-нибудь нудные ежедневные обязанности. А чего церемонится с малолетней непоседой? И заскоруждые, но заботливые руки рьяно намывали мою грязную шею или расчесывали вечно спутанные рыжие локоны. Костяной гребень непременно застревал в непослушных прядях, и по длинным коридорам разносились недовольные девчоночьи вопли, испытывая терпение взрослых обитателей замка. Родственники раздраженно хмурились и торопились укрыться за толстыми дверями. И лишь много позднее я смогла понять то, что долгое время внушало мне неосознанное чувство защищенности, неизменно испытываемое в присутствии Маризы или ее мужа, бывшего начальника гвардии замка Брен, а ныне просто старого толстого одноглазого Гийома. Они оказались единственными, кто при взгляде на меня не проявлял страха и отвращения, с трудом скрываемого, но все же постоянно проступавшего сквозь слащавую маску светского этикета. Возможно, именно неизменное обращение – Ваша Светлость, преследовавшее меня с первых сознательных дней жизни, и проложило ту огромную пропасть между мной и моими сестрами и братьями, которых всегда называли просто «молодая госпожа» или «молодой господин». И пропасти этой было суждено сохраниться навечно.

До двенадцати лет самым близким человеком в мире я считала свою мать – графиню Антуанетту де Брен, с наивной непосредственностью радуясь любому знаку внимания и нежности с ее стороны. Вполне вероятно, самообман мог бы продолжаться и дольше, будь я менее наблюдательна, или будь моя матушка более чуткой женщиной. Увы, блистательная графиня Антуанетта являлась, в первую очередь, тонкой ценительницей изящных манер. И только во вторую – женой и матерью. Не понимая этого и начиная замечать, что моя мать с некоторых пор старается под любым предлогом уклониться от ежедневных утренних и вечерних поцелуев, служивших чаще всего лишь данью правилам хорошего тона, я поначалу испытала безмерное удивление и замешательство. Тем более что матушке хватило такта не целовать в моем присутствии и всех остальных своих детей. Ведь до этого времени я с полным основанием могла считать себя любимым чадом богатых родителей, имея наряды, игрушки и личные апартаменты, во многом превосходящие мечты и желания моих братьев и сестер. Разобраться в непонятной ситуации мне помогло качество, неоднократно заклеянное нянюшкой Маризой как один из самых отвратительных пороков дурных людей: привычка подслушивать разговоры, для любопытных детских ушей вовсе не предназначавшаяся.

Помню, все произошло в один из тех редких вечеров, когда вся наша семья собралась на ужин в парадной зале замка Брен. Не знаю, было ли это промыслом небес или же стало роковой жертвой непредвиденного стечения обстоятельств. Но именно в этот вечер отец не уехал на охоту, мать не отправилась на какой-либо очередной прием в доме у соседей

и никто из гостей не оказался приглашен к трапезе. Поэтому за огромным столом находились только мои родители и мы – три сестры и двое братьев – наследники славного рода графов де Брен. Погода в тот вечер выдалась на удивление отвратительная. Дождь за окном стоял стеной, выбивая неумолчную монотонную мелодию по цветным витражам. Огромные свирепые волкодавы, которым доверяли охранять внутренний двор замка, не выдержали натиска холода и сырости и, поджав промокшие насквозь хвосты, убралась в теплое помещение псарни. Приходилось лишь сочувствовать стоически переносившим непогоду караульным, изредка перекликавшимся сиплыми голосами на стене замка, открытой всем ветрам. Подумав о том, сколь много молниеносно развивающихся насморков придется лечить завтра мэтру Кварусу, весьма посредственному магу, но довольно хорошему лекарю, я невольно хихикнула. О, я вынашивала изощренный план предложить свои услуги в качестве помощницы при составлении микстур, имея не совсем безобидное намерение незаметно подсыпать что-нибудь слабительное в противопростудные средства, предназначенные для облегчения страданий приболевших вояк.

Ужин протекал скучно. Сотрапезники позевывали и, несмотря на жарко полыхающий камин, все как один испытывали вполне объяснимое желание поскорее очутиться в теплом уюте своих спален. Мать выглядела обеспокоенной, бросая иногда рассеянные и как будто виноватые взгляды в мою сторону. Если взоры наши встречались иногда поверх серебряно-хрустальной сервировки изобильного стола, то слабое подобие улыбки появлялось на бледных губах матери, вновь сменяясь после этого задумчиво-расстроенным выражением. Отец не отвлекался от своей тарелки. Даже мои братья и сестры не затевали давно ставших привычными перепалок, взирая на меня с каким-то новым, затравленно испуганным выражением серых глаз. Удивительно, но сама я, по словам нянюшки Маризы, обладала глазами насыщенного, изумрудно-зеленого цвета. Все мои братья и сестры родились одинаково белокуроыми и невысокими, и в этот вечер, когда они по какой-то непонятной мне причине сели по другую сторону стола, наше различие стало особенно заметным. Честно говоря, меня совсем не огорчила незримая граница, проведенная между нами белым пространством накрахмаленной скатерти. Они не хотели играть со мной, я же, в свою очередь, – отвечала им полнейшим безразличием.

Тягостный ужин вскоре закончился, в отличие от дождя, который, похоже, зарядил на всю ночь. Сытые участники унылого вечера разбрелись по своим апартаментам, и в замке воцарилась тишина, изредка нарушаемая унылой перекличкой часовых. Повертевшись, некоторое время под пуховым одеялом, я поняла, что уснуть так и не удастся. Тогда, неожиданно для самой себя, я решила, прогулявшись в библиотеку, выбрать книжку поинтереснее и провести остаток ночи, погрузившись в какой-нибудь завлекательный эльфийский роман двухсотлетней давности. Уж чего-чего, а писать романы эльфы умели – не в пример всем прочим расам.

Держа в одной руке массивный подсвечник, а в другой – на всякий случай – самый любимый кинжал из своей весьма обширной коллекции оружия, я приоткрыла дверь личных покоев и выскользнула в сумрак коридора, который в неярком свете единственной свечи казался бесконечным и чарующе опасным. Впрочем, в опасность коридора чистосердечно верила только моя неврастеничная сестрица Луиза, но не я сама. Ну, кого, скажите на милость, можно бояться в коридорах третьего этажа? Призраков? Нет, эти предпочитали места поукромнее. Например, давно заброшенные закоулки подземелья, в которых много лет назад один из ныне покойных графов де Брен устроил тайное узилище, переполненное жуткими инструментами отнюдь не врачебного назначения. Видимо, тот граф оказался большим выдумщиком. Я провела множество воистину упоительных часов, исследуя заброшенные лабиринты бывших тюремных катакомб. Представляю себе, что случилось бы со слабым нянюшкиным сердцем, если бы она поняла, что не все ее байки, описывающие оби-

тающих в подвалах призраков, являются только байками. Призраки и впрямь водились там в огромном количестве. Странно только, что, несмотря на многочисленные случаи загадочных исчезновений глупых служанок или пьяных стражников, по отношению ко мне привидения проявляли редкостное уважение и дружелюбие. И думаю, что наш престарелый архивариус умер бы от зависти, если бы узнал, какую увлекательную подборку правдивых историй, не отраженных в хрониках благородного семейства де Брен, поведали мне болтливые фантомы. Хотя, судя по некоторым деталям услышанных мною историй, семейство совершило много чего, отнюдь не сочетающегося с кодексом чести и благородства. Несомненно, у каждого семейства свои скелеты в шкафу – как-то скаламбурила я, и призраки, в полном восторге от моих слов, долго хохотали в гулком мраке подземелий. Мрак сделал нас почти что родней. Так же, как и привидения, я прекрасно видела в темноте.

Но на этот раз короткий поход в библиотеку не сопровождался какими-либо происшествиями. Дождь полностью заглушал мои и без того тихие шаги, когда я, не замеченная никем, проскользнула по длинному коридору, бесшумно распахнула дубовую дверь, ведущую в библиотеку, и в который раз застыла на ее пороге в безмолвном восхищении. Библиотека была огромна. Несколько сотен крепких полок заполняли все стены от пола до самого потолка. Всевозможные фолианты загромождали полки, радуя взор и обещая долгие часы приятного и полезного времяпрепровождения. В замке Брен знали толк в хороших книгах. Хроники и любовные романы, книги об искусстве разведения гончих и охоте с соколами, труды по алхимии и философии, трактаты о войне и управлении государством, – я с детских лет осознавала, что стоимость всего этого намного превышала ценность содержимого главной сокровищницы замка. Книги всех форм и размеров, переплетенные в простую телячью кожу и золотую парчу, книги в защитных футлярах и книги с золотыми застежками, инкрустированными самоцветами. Книги, стоившие кому-то жизни, и книги, обессмертившие чьи-то имена. Книги на всех языках мира и книги на наречиях, умолкнувших века назад. Книги, написанные людьми, эльфами, сильфами, орками и гномами. Книги, привезенные из великих столиц, и книги, найденные в разрушенных храмах давно забытых богов. Прославленные книги и проклятые книги... Я медленно шла вдоль полок, нежно ведя пальцем по корешкам хрупких переплетов. Словно гладила щеки близких друзей. И книги отвечали мне тонким, едва уловимым шепотом. Приветствовали меня, как равную среди равных, и были готовы делиться тайными знаниями.

В возрасте пяти лет я впервые вошла в библиотеку, восторженно поздоровалась с книгами и сняла с полки ближайшую из них. Открыла и... начала читать... Может быть, свершилось чудо? Но у меня появилось четкое ощущение того, что я всего лишь вспоминаю то, что уже знала когда-то ранее. Языки людей, эльфов и гномов – все они оказались знакомыми и понятными для меня.

В центре библиотеки располагался массивный стол, окруженный креслами, и ярко горел огонь в камине, прикрытом хрустальным экраном. Книги, как и люди, не любят холода и сырости. Я вытянула с полки солидный том по фехтовальному искусству, написанный много лет назад великим эльфийским военачальником, и только собиралась погрузиться в чтение, удобно устроившись в одном из кресел, как вдруг услышала торопливые шаги, эхом звучащие под сводами галереи, ведущей к библиотеке. Шаги приближались. Осознав небольшую вероятность получить справедливый нагоняй за это полуночное бдение, я мгновенно сунула книгу на полку и юркнула под стол, притаившись в тени тяжелой скатерти, кисти которой опускались до самого пола. Приходилось только благодарить свою своевременную находчивость, потому что в тот самый момент, когда я выровняла край спасительной скатерти, дверь библиотеки широко распахнулась, и в нее вошли двое, ноги которых я великолепно видела сквозь шелковую бахрому своего убежища. Первая пара ног была обута в изящ-

ные туфельки из змеиной кожи, при каждом шаге кокетливо выглядывающие из-под подола роскошного платья, вышитого жемчугом. Туфельки красовались на ногах матери – графини Антуанетты. Вторая пара ног в ботфортах с золотыми шпорами принадлежала моему отцу. Граф тут же опустился в одно из кресел, послышалось мелодичное звяканье хрусталия и сочное журчание вина, наливаемого в бокал. Графиня, в отличие от мужа, не заняла другого кресла, а начала беспокойно метаться по комнате, при каждом шаге все глубже увязая каблучками туфель в густом ворсе ковра. Ее испуганные порывистые движения напоминали отчаяние дикого зверя, запертого в клетке...

– Сядь и расслабься, я налил тебе вина, – прозвучал равнодушный голос отца. – Ульрика давно уже третий сон видит, впрочем, как и остальные дети, а у нас есть возможность все спокойно обсудить...

Услышав свое имя – я вздрогнула и вся обратилась в слух.

– Меня удивляет твое безразличие. – Истеричное, но, тем не менее, приятное и сейчас, soprano матери взметнулось к потолку библиотеки. У меня аж в ушах зазвенело. – А ведь в последние дни это стало особенно заметно... – Раздался громкий треск разрываемой материи. Очевидно, мать превращала в клочки один из своих батистовых носовых платков. – Даже мы, привычные к ее облику, уже не можем сдерживать ужаса. Моя камеристка передавала мне невероятные сплетни, которыми потчуют друг друга наши слуги, коротая вечера у очага на кухне. Если бы все они не были набраны из принадлежащих нам селений, то боюсь, что многие попросту разбежались бы, разнеся эти омерзительные рассказы по всему королевству. Ты ведь помнишь, что нам пришлось сделать с той молоденькой горничной, которая собиралась рассказать родственникам об Ее Светлости...

«Вот это да, – подумалось мне, – это что-то новенькое! Моя мать называет меня – Ее Светлость!» – И от удивления я чуть не высунула голову из-под стола.

– А ведь тебя предупреждали, – сдержанно произнес отец. – Альзира сама говорила тебе о проклятии, наложенном на ребенка, но ты все равно взяла девочку в наш дом...

– Альзира была моей подругой! – оправдывалась мать. – Она умирала и просила меня позаботиться об Ульрике. Спасти ее, укрыть ее от отца. Мы и теперь не знаем, жива ли она. Бедняжка говорила мне о старинном проклятии, но Ульрике тогда было всего двадцать минут от роду, и она выглядела обычным ребенком...

Граф де Брен встал, подошел к жене и успокаивающим жестом положил ладонь ей на плечо:

– Все в руках божьих, дорогая! Ты исполнила священный долг подруги и подданной, спасла невинное создание и, возможно, избавила королевство от неисчислимых бед. Проблему же Ульрики можно решить намного проще, чем это кажется. Вели мэтру Кварусу сделать красивую маску, которая будет закрывать лицо девочки...

– И мы принудим ее ходить в этой маске всю оставшуюся жизнь? – горько зарыдала графиня.

– Все в руках божьих, – вновь смиренно повторил граф, тяжело вздохнул и покинул библиотеку.

Дождавшись, когда Антуанетта вслед за графом удалится из комнаты, я вылезла из-под стола и уселась в кресло, которое совсем недавно занимал тот, кого я привыкла считать родным отцом. Меня буквально ошарашил этот случайно подслушанный разговор. Масса вопросов роилась в голове. Определенно, я вовсе не являлась дочерью графа и графини де Брен, а оказалась ребенком некоей загадочной Альзиры, подданной которой когда-то называлась моя мать. Моя мать? Принадлежавшая к одному из знатнейших родов королевства... Кем же тогда могла быть эта Альзира? И о каком проклятии, из-за которого мое лицо придется закрыть маской, шла речь? Что с моим лицом?

Лишь много лет спустя я узнала, что на свете существуют предметы, называемые зеркалами. Но во времена моего детства в замке их не было. Возможно, старательно укрываемое от моих взоров зеркало хранилось в покоях матери, но я никогда его не видела и даже не подозревала о существовании чего-то подобного. Стекла в окнах делали цветными, доспехи воинов – матовыми, золотые и серебряные блюда покрывал рисунок из дорогой эмали. Я вспомнила точеные черты графини, которую считали одной из первых красавиц королевства, нежные беленькие личики своих названных сестер, круглую мордашку Маризы, благородные морщины графа, широкие скулы служанок – и с испуганным криком схватилось за свое лицо. В двенадцатилетнем возрасте я с ужасом поняла, что никогда не только не видела саму себя, но вообще не имела ни малейшего представления о том, как я выгляжу.

Растерянность моя оказалась настолько велика, что я совершенно не помню о том, как выскочила из замка. Пришла в себя я уже только на конюшне, захлебываясь слезами, которые вытирала о длинную черную гриву моего коня Беса. Верный друг встревоженно всхрапывал и деликатно хватал меня за пальцы теплыми мягкими губами. Дождь за прочными стенами конюшни не умолкал ни на минуту, и по каменному полу разлилась огромная лужа воды, натекавшей под дверь. Сняв со стены факел, я осветила им лужу и приблизила к ней свое лицо. Вопль горя, вырвавшийся из моей груди, заставил лошадей панически забиться в стойлах и покрыл поверхность воды сеткой ряби, скрывшей от меня чудовище, увиденное в импровизированном зеркале. И этим чудовищем была я сама!

Немного успокоившись и дождавшись, когда поверхность лужи выровняется, я снова посмотрела на свое отражение. Роскошная грива рыжих локонов оттенка меди окружала лицо, на котором сияли огромные изумрудные глаза необычной миндалевидно-удлиненной формы. Чуть приподнятые к вискам, они притягивали своим колдовским блеском, напоминая о загадочных глазах капризной кошки. Голова совершенной формы сидела на длинной ровной шее, плавно переходившей в широкие, гордо развернутые плечи. Порода и врожденное благородство читались в посадке головы. Но вот лицо... Покрытое ужасными рубцами, багровыми пятнами и рытвинами, с бесформенным хрящеватым провалом вместо носа и, словно в насмешку, с нежными алыми губами безупречного очерка... Оно оказалось страшнее облика любого из призраков, виденных мною в подземелье. Зловещая истина открылась мне во всей своей красе, и я саркастично рассмеялась! Так вот почему призраки не трогали меня, а даже испытывали передо мной что-то похожее на благоговение: они попросту боялись! И я не могла осуждать их за это. Теперь я прекрасно понимала своих приемных родителей, братьев и сестер. Припомнила все косые взгляды слуг и их перешептывания у себя за спиной. А тот несчастный поваренок, столкнувшийся со мной на узкой лестнице, ведущей к кухне... Я неожиданно съехала вниз по перилам и чуть не сбила мальчишку с ног. Увидев меня, он истошно завизжал и выронил из рук блюдо с жареным фазаном. А я-то, глупая, потом долго ломала голову над причиной неожиданно появившегося заикания толстощекого деревенского увальня.

Остаток ночи я провела на сене рядом с Бесом, которому, кажется, не было никакого дела до моего замечательного лица, нимало не волнуясь о том, что произойдет, если Мариза обнаружит мое отсутствие. Во сколько лет детей принято считать повзрослевшими? Мое детство закончилось в эту ненастную ночь.

Через пару дней мэтр Кварус подарил мне удивительную вещь. Золотая маска, сплетенная из тончайших металлических нитей, украшенная массой крохотных изумрудов, поражала филигранной работой и полностью скрывала мое лицо, оставляя открытыми только глаза да узкую полоску губ и подбородка. Маска, в которую мэтр вложил все свое магическое искусство, пластично изменяла форму, когда я ела или разговаривала, развивалась вместе со мной и воспроизводила лик надменной красавицы, которой мне, увы, не довелось стать от

рождения. Я была очарована волшебной вещицей, долго благодарила Кваруса, тут же надела маску и впредь старалась снимать ее как можно реже.

Прошло несколько лет. Я выросла и превратилась во взрослую девушку. К этому времени в окрестностях замка прочно укоренилась легенда о загадочной красавице, скрывающей под золотой маской сказочную прелесть, способную ослепить всякого увидевшего ее. В легенду верили. Хотя с тех пор фраза – «ужас, какая красивая» – всегда поражала меня своей двусмысленностью и скрытым цинизмом.

Замок Брен, со всех сторон окруженный лесами, находился на самой границе королевства. Статус пограничной крепости предписывал графу держать в замке большой гарнизон, что казалось вовсе не лишним, так как, выглянув из окна сторожевой башни, я видела темную линию Черных гор, высившихся в туманной дали за безбрежной зеленой массой деревьев. В Черных горах обитали гномы, славившиеся как непревзойденные мастера-оружейники, и загадочные сільфы. О сільфах рассказывали много чего – странного и надуманного, но всегда мрачно-угрожающего. И если, к примеру, легендарные эльфы, действительно отличающиеся утонченной красотой, встречались иногда на ярмарке в ближайшем крупном городе Бранзоне, то таинственных сільфов не знал никто, что, возможно, и порождало огромное количество ходивших о них слухов. Меня же сільфы интересовали весьма сильно, хотя и несколько однобоко. Точно так же меня интересовали сначала гномы, а потом эльфы. Последовательность смены интересов объяснялась моими открытиями. Первым открытием стало то, что: лучше гномьей стали может быть только клинок эльфийской работы, а лучше эльфийского – меч работы сільфского мастера. Сільфские мечи, чрезвычайно редкие и баснословно дорогие, являлись совершенным оружием и оплачивались исключительно драгоценными камнями, по весу самого клинка. Но, с другой стороны, именно скромный и неприглядный на вид сільфский клинок и выдавал в его хозяине настоящего бойца. Сложно сказать, одобряла или нет Антуанетта это вовсе не женское увлечение оружием, но черты ее лица не дрогнули, когда она увидела в моих руках единственный сільфский клинок, хранившийся в сокровищнице замка Брен. Лишь только из груди старого Гийома вырвался то ли всхлип, то ли вздох удивления, когда он застучал меня выходящей из сокровищницы и деловито прилаживающей за спину ножны меча. В тот же вечер, устроившись с мечом на коленях у жаркого камелька в комнате нянюшки Маризы, я учинила Гийому строжайший допрос.

– Каким образом такое великолепное оружие оказалось заброшенным в самый дальний угол, где, очевидно, провалялось орк знает сколько лет? – Я любовно погладила узкое лезвие, даже в ярком свете очага отливавшее холодным голубоватым блеском.

– Как ты вообще умудрилась узнать об этом оружии? – удивился Гийом, – Оно уже много лет как считалось утерянным...

– А, – небрежно отмахнулась я, – призраки в подземелье рассказали, прямо все уши прожужжали о таинственном мече, скрытом в стене сокровищницы.

– Призраки? – поперхнулся элем Гийом, – Стена в сокровищнице? Ничего себе! Да этот клинок, по преданию, добыл первый граф де Брен, основавший наш замок и отличившийся в войне с сільфским королем. Вроде бы именно после этой войны остатки сільфов навечно ушли в Черные горы, но все произошло настолько давно, что в летописях даже не сохранилось упоминания о тех временах. Граф не захотел расстаться с удивительным мечом, но потом какой-то маг объяснил ему, что клинок заколдован и может принадлежать только тому хозяину, которого выберет сам. После этого меч спешно куда-то припрятали, а после смерти графа и вовсе потеряли.

– Призраки тоже ничего не знали точно, – пояснила я. – Сказали только, что меч по-прежнему в замке и зовет своего настоящего хозяина. Тогда я начала обшаривать сокровищ-

ницу и возле задней стены услышала подобие тихого, грустного пения. Когда я разобрала старую каменную кладку, то увидела в стене углубление, где завернутым в кусок полуистлевшего шелка и лежал меч в ножнах...

Пораженный моим рассказом, Гийом протянул руку к мечу и только хотел прикоснуться к прекрасному оружию, как тонкий лучик голубого пламени, сорвавшегося с клинка, полоснул его по пальцам, оставив на них внушительный ожог. Гийом восхищенно хлопнул себя по бокам:

– Не дается, в руки не дается! И вправду, видать, он сам хозяина выбирает! Ничего себе! – вновь повторил он и уважительно посмотрел на меня.

Я вытянула из ножен узкую, волнистую полосу благородной стали, оканчивающуюся обычной крестовидной гардой и рукоятью, обтянутой черной кожей. Мое сознание наполнилось чуть слышным поющим шепотом. Это клинок, после многих лет молчания и одиночества, говорил со мной. «Нурилон, Нурилон, Черная тень, – все различимее звучало в моей душе. – Я твой друг», – тихонько напевал мне меч.

– Его зовут Нурилон, Черная тень! – произнесла я.

Гийом удивленно покачал головой, но ничего не ответил.

Я положила руку на лезвие только что обретенного друга, закрыла глаза и обратилась к клинку. «Друг мой, я тоже одинока, но, возможно, вместе мы сможем добыть себе лучшую долю», – мысленно проговаривала я. И клинок понял и откликнулся. В его тихом пении зазвучали победные нотки, а на голубоватой стали проступило изображение полумаски и надпись «Солле де Грей».

– Клан Серых! Клан де Грей! – вслух перевела я.

– Вот это да! – вытаращился на меня Гийом. – Вроде как Греем и звали того самого сильфского короля! Да уж, Твоя Светлость Ульрика, уж если кто и сможет раскрыть всю эту историю до конца, так только ты!

В то время я даже не подозревала, что старый пропойца-солдафон может оказаться на редкость прозорливым человеком.

Впрочем, не кто иной, как сам Гийом, и был повинен в моем страстном увлечении оружием, совсем не свойственном юной девушке. Игнорируемая всеми прочими детьми в замке, я вечно таскалась за Маризой, изнывая от тоски и одиночества, и именно Гийому пришла в голову оригинальная мысль занять мою бездельную Светлость чистой оружием, вскоре переросшей в серьезные уроки фехтования. Успехи мои стали столь очевидны, что уже к четырнадцати годам мало кто из графских вояк рисковал выходить против меня один на один, имея я при себе даже не боевой, а всего лишь деревянный тренировочный меч. Ибо к тому времени мэтр Кварус уже напрочь отказывался лечить причиненные мной увечья и переломы, мрачно предрекая графу бесславную кончину всей его гвардии от баловства негодницы-дочери. Граф сурово и прилюдно ругал меня, тут же за спиной демонстрируя пальцы рук, сложенные в знак восхищения и одобрения. При этом граф давно уже перестал проводить со мной занятия лично, откровенно признавшись, что его самолюбие безмерно страдает от поражений, легко наносимых сопливой девчонкой, и так же безмерно пыжится от великой отцовской гордости.

Не присущее девушке безразличие я выказывала и к тем искусствам, в которых так преуспели мои названные сестры. Вышивание золотыми нитями алтарных покровов для часовни Пресветлых богов, уроки изящных манер и подбор нарядов не привлекали меня ничуть. Глядя, как сестрица Луиза плывет по паркетному полу в облаке белого муслина, я лишь усмехалась и ту же затягивала пояс кожаных штанов, отягощенный внушительным набором кинжалов и метательных звездочек. Как говорится – каждой птице свое оперение. Совершенно наплеватьски отнеслась я также и к урокам литературы, философии и исто-

рии, с помощью которых графиня де Брен пыталась отшлифовать воспитание своих отпрысков. Да и что могли дать мне эти уроки, если к моим услугам была вся библиотека, объемом хранимых в ней знаний намного превышающая скудные изыскания наших учителей. Благодаря своему необъяснимому пониманию языков, я тщательно изучала книги, недоступные еще кому-либо помимо меня, и сначала откровенно зевала на занятиях, а потом и вовсе начала избегать их под любым более-менее благовидным предлогом. Прихватив гитару, перо и свиток пергамента, мы с верным Бесом удирали к маленькому лесному озеру, расположенному в нескольких милях от замка и к которому нам категорически запрещали отправляться в одиночку. Там, завалившись в густую мягкую траву, я тренькала на гитаре, мурлыкая куплеты, невзвесть откуда приходившие в мою голову. Обычно из своих лесных походов я привозила длинные свитки со свежими балладами, которые по причине излишней скромности редко когда отваживалась исполнять самостоятельно, но которые с огромным энтузиазмом и успехом распевали жившие в замке менестрели. Наверно, единственным увлечением, которое я разделяла со своими братьями и сестрами, стали уроки танцев. Легкие, изящные танцевальные па, выглядевшие совершеннее полета хрупких мотыльков, ассоциировались в моем воображении с четким и непринужденным рисунком боя. Все эти поклоны, неуловимо быстрые повороты сложного придворного ригодона, который старательно разучивал с нами маэстро Фриссе, совмещенные со стремительным росчерком моего Нурилона, служили для меня лишь удобной возможностью отточить воинское мастерство. Маэстро Фриссе, подвижный и сухощавый уроженец соседней провинции Форн, славящийся на все королевство своими танцорами и акробатами, нервно вздрагивал, когда я в неизменном кожаном колете и ботфортах выше колен входила в танцевальную залу. Шпоры на ботфортах бряцали при каждом шаге, колет пересекала перевязь меча, и нежное сердце маэстро-балетмейстера было едва в силах переносить огромное оскорбление, наносимое моей грубой персоной прекрасной науке танца. Сестрицы Мария и Луиза ехидно прыскали в кружевные платочки всякий раз, когда маэстро скрепя сердце приступал к дежурным увещаниям.

– Ваша Светлость! – с подкупающей любезностью начинал маэстро Фриссе. – Ваша одежда совершенно недопустима в этом помещении. При каждом фуэте из-за отворотов Ваших ужасных сапог вываливаются огромные ножи, а из рукавов сыплются какие-то вещи, которым я даже не знаю названия. Вы совершенно не умеете подбирать подол юбки (сомневаюсь, что юбки вообще имеются в Вашем гардеробе) и носить туфли. Как же вы будете танцевать на следующем балу?

– А с чего вы взяли, маэстро, что я собираюсь танцевать на этом проклятом балу? – вызывающе парировала я, снимала со спины меч, подходила к Луизе и с поклоном предлагала ей руку. Сестрица грациозно выпархивала из кресла и приседала в глубоком реверансе. На всех уроках танцев я, по настоянию сестер и к огромной радости братьев, исполняла роль кавалера, избавляя братьев от нудной обязанности и спасая маленькие ножки сестер, на которые Бернар и Франк неизменно наступали с неуклюжестью провинциалов. Но лицо маэстро Фриссе быстро смягчалась, а потом и вовсе расплывалось в радостной улыбке, когда он видел, как мы с Луизой уверенно кружимся в причудливом танце. Рукой в перчатке я осторожно обнимала тонкую талию сестры, с высоты своего роста снисходительно взирая на ее хрупкую фигурку, белокурые волосы и огромные счастливые глаза. Все помыслы обеих моих сестер не шли дальше шумного успеха на балу, новых нарядов и удачного замужества. А я же, в свою очередь, даже представить себе не могла, что кто-то вот так же положит руку мне на бедро и поведет меня в сложном рисунке фаншета или ригодона. Братья молчали, прикусив губы и удерживая рвущиеся с языка насмешки. Под левым глазом Бернара красовался, переливаясь всеми цветами радуги, огромный синяк, а Франк немного неловко держал на отлет вывихнутую и вправленную на место правую руку. Наглядные последствия нашей вчерашней драки. Надо признаться, к чести моих братьев, что их никогда не покидала мечта

отобрать у меня титул первого фехтовальщика замка. Спасибо всем Пресветлым Богам, что братья так и не догадывались – насколько сильно я щадила в этих поединках их физическое здоровье и душевное равновесие.

Так тихо и мирно, занимаясь уроками, танцами и охотой, мы прожили несколько лет. Удаленность замка от столицы оставляла нас в счастливом неведении относительно почти всех дел, происходящих в королевстве. Королевство Наррона, уже много лет благоденствующее под властью одного и того же короля, прочно сидящего на престоле, не вело внешних войн, занимаясь исключительно торговлей и собственными внутренними проблемами. Супруги де Брен, давно оставившие бурную придворную жизнь, в королевском замке не появлялись и каких-либо связей со столицей не поддерживали. Поэтому все мы располагали весьма и весьма скудными сведениями о чем-либо, что находилось от замка на расстоянии большем, чем соседний город Бранзон. Возможно, такое существование могло бы продолжаться еще очень долго, если бы графине де Брен не пришла в голову замечательная идея – устроить большой бал в честь совершеннолетия своей старшей дочери Луизы, которая была всего лишь на год взрослее меня.

Глава 2

Вечером в день заключительного бала я стояла перед огромным, во весь рост, зеркалом в своих укромных покоях и придирчиво рассматривала беспристрастное отражение. После того достопамятного разговора отца и матушки, закончившегося надеванием маски, зеркала, к вящей радости всего женского населения, появились во многих комнатах замка. Чем-то напугать или удивить меня они уже не могли. В обычные дни я попросту игнорировала отражение высокой фигуры в маске, появляющееся в предательски откровенном стекле, стоило мне только по неосторожности приблизиться к одной из злополучных рам. К предмету, перед которым все прочие женщины возрастом от четырех до шестидесяти лет готовы вертеться часами. Зеркала стали врагом, затаившим свое коварство до поры до времени, хотя и поучаствовали в честном двустороннем соглашении не портить друг другу настроения. И соглашение это неукоснительно соблюдалось до сегодняшнего дня. Впрочем, чего мне бояться? Я пожалала плечами, подняла лежащую на кровати маску, надела ее одним привычным движением и бестрепетно шагнула к позолоченному прямоугольнику.

Гости проживали в замке пятый день. Гости просто наводнили, заполнили замок, вынудив меня большую часть времени отсиживаться в своей комнате, крепко-накрепко заперев изнутри двери и не реагируя на частое и оскорбительное подергивание дверной ручки. Многие из гостей желали развлекаться, подкрепив свою настойчивость, дарованную им преимуществом благородного происхождения, выдержанным вином из батюшкиных погребов. А моя золотая маска, свободные манеры и категорическое нежелание принимать участия в каких либо беседах привлекали, к огорчению графини, куда большее внимание кавалеров, чем глуповато-прелестное личико виновницы торжества. Ибо, несмотря на оправдательные речи Антуанетты о том, что семья слишком долго вела уединенный образ жизни, все в замке прекрасно понимали, что целью шумного мероприятия, затеянного графиней, был поиск подходящего жениха, который сумел бы составить личное счастье Луизы. Личного счастья Луизе я желала искренне и от всей души, поэтому добровольно устранилась от торжественной встречи гостей во дворе замка. Будь на то моя воля, я с огромным удовольствием устранилась бы вообще от любых встреч с приглашенными кавалерами. Но приказ графа об обязательном участии в большой охоте и на заключительном балу – был высказан в не терпящей возражений форме. Пришлось подчиниться. Большая охота, проходившая в ближайшем лесу не далее как вчера, сильно отвратила взгляды молодых дворян от заманчиво колышавшихся юбок Луизы. Маска, неразлучный Нурилон за спиной и несколько метких выстрелов из лука – сделали меня сенсацией. К тому же меня чрезвычайно огорчило наблюдение, что среди приглашенных дворян слишком многие обладали ростом, дающим им возможность свободно чувствовать себя в моем присутствии. А начиная с сегодняшнего утра Антуанетта уже несколько раз интересовалась у меня крайне недовольным тоном – куда это я умудрилась задевать свою бальную карточку? Мол, молодые гости желают вписать в нее приглашения на танец. «Ага, размечтались! Луизе пусть вписывают», – мрачно думала я, разглядывая великолепный бальный наряд, приготовленный для меня горничной по приказу графини. Выкинула я эту карточку еще вчера в камин, где она благополучно превратилась в пепел. Большинство из присутствующих в замке мужчин вызывало у меня стойкое чувство омерзения, и танцевать с ними я категорически отказывалась. Пусть Луиза танцует, в конце концов – это ее вечер. С такими мыслями я недрогнувшей рукой скомкала ворох шелковых юбок, сунула его в комод, оделась сообразно своему желанию, подошла к зеркалу и устремила в него настороженно-вопрошающий взгляд, готовый к любому подвоху.

Зеркало отражало высокую стройную фигуру, которую ладно обтягивали черные кожаные штаны и черный же бархатный колет. Дабы не выглядеть совсем уж мрачно, я решила

оттенить черное – белой шелковой рубашкой и волной свободно распущенных по плечам рыжих волос. Эффект от ослепительного сочетания цветов превзошел мои самые смелые ожидания, а роскошь изумрудов, сияющих на маске, полностью исчерпывала необходимость в каких-либо прочих украшениях. Неизменно со мной оставался лишь небольшой изумрудный кулон, который я носила на шее с тех пор, как начала осознавать саму себя. Отброшенные за ненадобностью туфли я заменила привычными ботфортами, правда, на этот раз безупречно новыми, и задумалась. Нурилон придется оставить. В конце концов, в качестве компромисса я остановилась на двух любимых кинжалах, удобно поместившихся за отворотами сапог. Завершив парадную экипировку дюжиной метательных звездочек за поясом и оставшись абсолютно удовлетворенной своим внешним видом, я спустилась по лестнице и вступила в бальную залу.

Зала блистала светом, исходящим от сотен свеч и нескольких огненных шаров, сотворенных мэтром Кварусом. Но еще ярче сверкали дамы, усыпанные с головы до пят драгоценными камнями всех вообразимых цветов и форм. В центре зала Луиза – в белом парчовом платье и с алмазной парюрой на голове – любезничала одновременно с полутора десятками кавалеров. Пестрая стайка незамужних дворяночек окружала сестру, являясь достойной свитой для главной героини вечера.

В мои намерения вовсе не входило желание привлечь к себе чье-либо внимание. Поэтому, тихонько приоткрыв дверь залы, я змейкой проскользнула в образовавшуюся щель, устроилась у одного из окон и, почти спрятавшись за широкими шторами, приготовилась наблюдать за происходящим. А понаблюдать было за чем, ибо в это самое время, не иначе как по наущению графини, молодые дворяночки с Луизой во главе образовали некое подобие хоровода и двинулись через зал, громко и разноголосно запевая при этом известную дворянскую песню:

Ой, цветет калина в поле у ручья,
Принца молодого полюбила я,
Он живет, не знает ничего о том,
Что одна маркиза думает о нем...¹

Зрелище получилось презабавное, потому что комплект девиц на выданье не только голосил кто в лес, кто по дрова, безусловно перещеголяв всеми неоднократно слышанные весенние вопли котов, но и умудрялся вести при этом шквальный обстрел глазками группы потенциальных женихов, затравленно сбившихся кучкой в центре залы около столика с горячительными напитками. Судя по тому, с какой скоростью понижался уровень вина в хрустальных графинах, состояние женихов немногим отличалось от состояния дичи при неминуемом приближении охотников. Остальные гости затаив дыхание следили за брачной охотой. И вот в тот самый кульминационный момент, когда Луиза испустила завершающую писклявую трель: «А любовь маркизы не проходит, нет!» – и в зале наступила гробовая тишина, очевидно, предшествующая буре аплодисментов, я и совершила трагическую ошибку, положившую конец моей спокойной жизни. Успешно сдерживая все это время смех, безудержно рвущийся из моей груди, я все-таки не вытерпела и издала тихий смешок, произведший в наступившей тишине эффект громового раската. Головы всех присутствующих, как по команде, повернулись в мою сторону, и несколько сотен пар любопытных глаз одновременно усталились на меня.

¹ Здесь и далее стихи автора

– А-а-а-а... – Антуанетта попыталась вывернуться из создавшейся неловкой ситуации. – Это наша вторая дочь Ульрика! Прошу ее извинить, она всегда отличалась несколько экстравагантными манерами.

Стадо бараноподобных женихов, чрезвычайно обрадованное своим негладким спасением, радостно забило копытами и ринулось в атаку.

– Мадмуазель! – подскочил ко мне один, длинный и тощий как оглобля, в куцей курточке, обшитой позументами. – Мы имели честь присутствовать на знаменитой охоте, где вы демонстрировали чудеса ловкости при обращении с луком. Но что могло так сильно насмешить вас при звуках этих ангельских голосов?

При упоминании об ангельских голосах добрая половина присутствующих ощутила спонтанное и неконтролируемое желание повторить мой скандальный смешок.

– А мне кажется, что за все время моего пребывания в стенах этого гостеприимного замка я не слышал ни одного слова, произнесенного вами! – атаковал меня второй кавалер, подкручивая при этом свои неимоверно длинные усы. – Может быть, вы немая?

– Зато не глухая! – насмешливо парировала я, сопровождая свои слова элегантно поклоном. Усач стусевался, покраснел и отступил назад. В группе женихов послышались хлопки и возгласы одобрения.

– Мадмуазель Ульрика, – на подходе был следующий кандидат, – так беззастенчиво осмеивать чужое пение может только тот, кому самому медведь наступил на ухо! – Этот дворянин выгодно отличался от предыдущих сдержанностью наряда и смешинками, играющими в глубине серых глаз.

– Ну, почему же сразу на ухо... – Я уже вошла во вкус предлагаемой мне игры. – Может быть, я просто не сторонница показухи?!

После этих слов я рискнула покинуть место у окна и, проходя сквозь ряд расступающихся при моем приближении гостей, направилась к столу, где молодые дворяне поднимали бокалы за мое здоровье. Сдержанный дворянин галантно поцеловал мою руку и налил немного белого эльфийского. Уже поднося вино к губам, я встретилась глазами с пылающим ненавистью взглядом Луизы. О, если бы ее глаза умели метать молнии, то я бы давно вспыхнула ярче самого большого из волшебных шаров мэтра Кваруса. Раскаяние охватило мою душу, и я совсем было намеревалась поблагодарить всех за приятный вечер и покинуть залу, как совершенно потерявшая над собой контроль Луиза бросилась ко мне со сжатыми в гнев кулаками.

– Не слушайте ее, – истошно заверещала она. – Ульрику и женщиной-то назвать трудно. Ни петь, ни танцевать она не умеет. Только и делает целыми днями, что машет мечом, да скачет по лесам на своем бешеном коне...

Окружавшие меня мужчины замерли, не зная, как реагировать на эту бурную выходку.

– Неправда! – раздался протестующий голос, и старый Гийом, несший почетный караул возле двери, пересек залу и положил руку мне на плечо, словно собираясь защитить от всех обидчиков разом. – Поклеп возводит молодая госпожа! Умеет Ульрика петь, да так, как не многим это дано по милости Пресветлых богов!

Дворяне загалдели, наперебой упрашивая меня спеть для них немедленно. Я обратила встревоженный взор к Антуанетте, но графиня отвернулась от меня с таким выражением, словно увидела грязное насекомое. Луиза молчала, всем своим видом выражая насмешливое презрение. Девушки собрались вокруг нее, выказывая ей поддержку и одобрение и противопоставляя свой ярко разряженный кружок моему непритязательному одеянию. Женихи ждали, видели мое растерянное недоумение и, видимо, уже склонялись к тому, чтобы принять на веру мстительные слова Луизы. Но старый Гийом никогда не сдавался без боя. Он выудил из стоящего у стены кресла чью-то гитару, изукрашенную щегольскими бантами, и, принеся, буквально сунул ее мне в руки.

– Я знаю, что это не ваша любимая гитара, но все-таки, девочка, спой для меня, как поешь по вечерам, сидя у огня... – Гийом легко погладил меня по волосам, и такая нежная, искренняя любовь промелькнула в его улыбке, что я невольно улыбнулась в ответ и тронула струны гитары. Все окружающее перестало существовать для меня, и голос мой, грудной и низкий, зазвучал в притихшем зале:

Удобно рукоять лежит в ладони,
Мой верный друг – отточенный клинок,
Его душа по-человечьи стонет,
Сплетая бой с изящной вязью строк.

Каляма друг и старший братец стила,
Поет, танцует и творит стихи,
Тобою, помню, за любовь я мстила,
Тобою отпускала я грехи.

Нет ничего превыше звонкой стали,
Чье имя – честь, чьи клятвы – на крови,
Меня он даже в смерти не оставит
И не предаст ни в жизни, ни в любви.

Тобой крестили и тобой клеймили,
Тобою покоряли племена,
Лишали власти и престол дарили,
Фортуне отсекали стремяна.

Купили за табун коней арабских,
По весу отдавали жемчуга,
И, не страшась визгливых жалоб бабских,
Тебя меняли на гарем врага.

С тобой делили счастье и невзгоды,
Паденья, взлеты и забвенья дни,
В тебя впитались чьих-то судеб годы,
И чьей-то смерти яркие огни.

По этой стали часто скачут блики,
И, замерев, дыханье затаив,
Я в этих вспышках замечаю лики
Ушедших повелителей твоих.

Их души, отлетевшие когда-то,
Живут в тебе – и не умрут вовек,
В тебе найдя хранилище и брата,
Как будто ты не сталь, а человек.

Ты умирал не раз на поле брани,
И воскресал в других уже руках,
Былых друзей порой до смерти рая,

Своих любимых превращая в прах.

Ты так кричал, что даже звуки боя
Мог перекрыть, победу возвестив,
Враги не раз глумились над тобою,
Тебя во мрак могилы опустив.

Какие мастера тебя ковали,
Вложив в клинок неведомый секрет,
И как тебя тогда творцы назвали —
Утеряно за сотни долгих лет.

Из ножен вновь скользя с притворной ленью,
Ты мне как продолжение руки,
Тебя, мой друг, я называю Тенью,
Нас не поймут глупцы и дураки.

Я знаю, мой черед придет когда-то,
И пусть вам в это верится с трудом,
Я, как и все – усну в объятьях брата,
В душе клинка найдя приют и дом.

И кто-то новый, чище и моложе,
Меч заключив в своей любви кольцо,
Душу клинка пускай не судит строже,
Узрев в ней мельком и мое лицо.

Потом я тихонько положила на стол умолкнувшую гитару и, сопровождаемая глубокими поклонами гостей, пошла к дверям. Приглашенные музыканты побросали свои инструменты и свесились с балкона, посылая мне восхищенные взгляды и воздушные поцелуи. Но уязвленная Луиза не хотела, чтобы вечер закончился таким нежеланным для нее образом. Она приблизила свои губы к уху стоящего рядом с ней юноши и торопливо прошептала несколько слов. Этот дворянин обладал высоким ростом и развитой мускулатурой, но хищное крысиное лицо с хитрыми и злобными чертами начисто лишало его обаяния, и даже более того, придавало ему что-то неопишимо отталкивающее. Юноша выслушал Луизу, и гадкая ухмылка появилась на его тонких губах. Я уже взялась за ручку двери, когда язвительный мужской голос нарушил тишину:

– Отчего же певица не сняла маску? Может быть, она боится, что безобразие ее лица перечеркнет красоту песни? Говорят, что ее лицо носит отпечаток руки самого Бога смерти и отображает все душевные пороки!

Зал ахнул...

Я медленно повернулась на каблуках и звонко рассмеялась. Рассмеялась над своей наивностью, над своими иллюзиями, над предательством людей, которым я привыкла доверять, над глупостью и завистью. Замок Брен перестал быть моим домом. Но даже отверженные не уходят проигравшими.

– Сударь, недалеко отсюда, в лесу, есть красивое озеро, и я думаю, что в замке найдется немало желающих показать вам дорогу к нему. Завтра на рассвете я буду иметь честь скрестить с вами клинок именно на берегу этого озера. В случае победы вам предоставляется полное право снять с меня маску. – Я помолчала и добавила: – С живой или мертвой...

Зал ахнул вновь...

Дворянин подтвердил свое согласие наклоном головы.

После этого я беспрепятственно вышла из зала, тихонько притворив за собой дверь.

Птицы пели слаженно и многоголосо. «Куда лучше нашей капеллы», – подумалось мне. Мириады росинок на траве и листьях деревьев сияли ярче, чем мои изумруды. Восходящее солнце окрашивало кромку неба в нежнейший розовый цвет, но выше макушек деревьев еще царила сочная ночная синева, щедро сдобренная россыпью угасающих звезд. Жизнь была прекрасна. Наверно, наиболее отчетливо это осознается вот в такие моменты, когда возникает реальная угроза потерять эту самую жизнь. Потерять по причине собственной никчемной глупости. Или гордости. Или того и другого вместе... Красота утреннего леса как нельзя лучше располагала к подобным размышлениям. Бес шел бодрой рысью, благо дорога к озеру ему давно и отлично знакома. А меня терзали мысли, весьма подходившие к драматичности момента. Мысли о бренности бытия. Или, может быть, это был страх? Я растерянно потеряла лоб. Боялась ли я смерти? Возможно. Хотя гораздо больше меня пугал тот факт, что мне никогда еще не приходилось убивать человека. Пусть даже такого подлого и недостойного. Являлась ли моя гордость, мое чувство собственного достоинства тем мерилom – по противоположную сторону которого стояло право лишить жизни другого человека? Лишить пения птиц, красоты рассвета, вкуса этого дубового листочка, который я только что прикусила зубами? И я торжественно пообещала себе, что, если мне суждено выжить в сегодняшнем поединке, то я никогда больше не обнажу оружия из одного лишь пустого тщеславия.

Мне не пришлось спать этой ночью. И отнюдь не боязнь грядущего поединка стала причиной моего ночного бдения. Оставив без ответа увещевания всех домочадцев, безостановочно звучащие за дверью, я увязала в небольшой сверток те вещи, которые были мне дороги или могли бы пригодиться в дороге. Несколько безделушек, деньги и смена белья – что еще может понадобиться неизбалованному путнику? Прощальным взглядом окинула я, возможно, только теперь замеченную и оцененную роскошь белой лакированной мебели, картин в золотых рамах, блеск парчового балдахина – привычно пожала плечами и вылезла в окно. Птичка вырвалась на свободу. И уже на самом краю леса, оглянувшись на быстро удаляющиеся стены замка Брен, я поняла, какую неимоверно гнетущую ношу сбросила со своих плеч, и вздохнула облегченно. Как бы ни сложились дальнейшие события, возвращаться в замок я не собиралась.

Подъехав к озеру, я сразу увидела крысинолицего. Будущий противник задумчиво бродил по берегу, беспощадно приминая желтые головки лютиков, в которых я валялась не далее как на прошлой неделе, утруждая свою фантазию новыми поэтическими опусами. Наверно, он тоже не смог уснуть этой ночью. Ночной туман, еще не полностью растворившийся под натиском утра, окутывал его до колен, придавая долговязой мужской фигуре совершенно фантазмагорический вид. Он поспешил помочь мне спуститься с Беса, но, опередив его, я спрыгнула с седла и отстранилась от протянутой руки.

– Не кажется ли вам, что излишние любезности сейчас неуместны?

– Напротив. – Крысинолиций галантно поклонился. – Вежливость уместна всегда. Разрешите представиться – виконт де Ризо, – он снял шляпу и отбросил ее далеко в траву. Потом вынул из ножен отличную эльфийскую рапиру и стал в стойку. – Я к вашим услугам, мадемуазель!

С выражением безмерного восхищения и уважения он разглядывал Нурилона, отливающего ярким светом у меня в руке. Разминая кисть, я сделала несколько взмахов, и взгляд крысинолицего стал еще более задумчивым.

Виконт оказался неплохим фехтовальщиком. С горьким сожалением я призналась самой себе в том, что получила бы гораздо больше удовольствия от нашего поединка, пресле-

дуй он более мирные, учебные цели. Прощупывая его оборону, я нанесла несколько несложных ударов, которые де Ризо парировал вполне успешно. Но ему заметно не хватало скорости. Он начал атаку, не смог выйти из мельницы и открылся так явно, что я досадливо поморщилась. Виконт тоже увидел свой промах, испуганно выдохнул и покраснел. Я отвела клинок. Затем еще и еще раз. Почему-то мне вовсе не хотелось убивать молодого виконта, обрывая едва начавшуюся жизнь. Обманным выпадом я подцепила кончиком своего клинка гарду рапиры де Ризо и, вырвав оружие из его рук, подбросила высоко в воздух. Поймала и снова бросила виконту. Де Ризо подхватил рапиру и отступил в сторону:

– Это напоминает глупый фарс! Вы уже могли убить меня, по крайней мере, четыре раза. Почему вы не сделали этого? – Обильный пот струился по лицу виконта.

– Я просто не хочу убивать вас, это не доставит мне никакого удовольствия.

Де Ризо вложил рапиру в ножны, ноги его подкосились, и он буквально упал на землю.

– Но я жестоко оскорбил вас, а вы, вместо того чтобы отомстить, великодушно щадите мою жизнь!

– Послушайте, виконт. – Я спокойно убрала Нурилона за спину и уселась рядом с противником. – Если вы сейчас скажете, что это оскорбление было лишь попыткой добиться расположения Луизы, а не следствием личной неприязни ко мне, я вполне могу считать себя отмщенной....

– Ну да. – Де Ризо говорил так, словно я принуждала его сознаваться в чем-то постыдном. – Я младший сын в семье, не имеющий ничего, кроме хорошего клинка и славного имени, а ваша сестра красива и принесет мужу огромное состояние. Не знаю, что затмило мой разум в тот момент, когда она шепнула мне на ухо эту гадость про вашу маску. Я понял, что мне дается шанс, и не устоял перед искушением. Теперь вы можете убить меня без излишних угрызений совести. – Де Ризо вынул из-за пояса кинжал и вложил его в мою руку. – Я подлец и заслуживаю смерти....

Я улыбнулась, взвесила на ладони отлично сбалансированное оружие, понаблюдала за бледным лицом юноши и с огромной неохотой вернула ему прекрасный клинок.

– Нет, виконт. Вы на самом деле совсем неплохой человек. Я думаю, что вы испытываете к Луизе не только корыстный интерес (тут де Ризо смутился и отвернулся в сторону), раз готовы пойти ради нее на сделку с собственной совестью. Советую вам немедленно вернуться в замок, сказать Луизе, что видели мое лицо, но пощадили меня, и предложить ей руку и сердце....

– Но поверит ли она мне? – с сомнением в голосе спросил де Ризо.

– Поверит, – усмехнулась я и сняла маску.

– Пресветлые боги! – выдохнул виконт, отшатываясь.

– Поезжайте в замок, сударь, думаю, что вас с нетерпением ожидают там. – Я надела маску и встала, показывая, что наш разговор закончен.

Де Ризо с потрясенным видом побрел к своей лошади, но потом вдруг вернулся и схватил меня за плечо.

– Ульрика, я никогда не забуду, что вы сохранили мне жизнь! Если я когда-нибудь смогу хоть что-то сделать для вас, то просто дайте знать об этом. Я вижу, что вам понравился этот кинжал. Прошу вас, возьмите его на память обо мне. Он передавался в нашем роду от отца к сыну – и всегда оставался верным другом отважных бойцов....

Я растроганно пожала крепкую руку виконта и еще раз пожелала ему удачи в объяснении с Луизой. Потом долго махала вслед, обрадованно замечая, что он поскакал к замку самой короткой дорогой. На душе моей было светло. Теперь лицо виконта уже не напоминало мне морду крысы. Я поняла, что за не слишком привлекательной внешностью скрывается благородный человек, вполне заслуживший свою скромную долю счастья.

Наступил полдень, солнце пекло немилосердно, а я все сидела на берегу, раздумывая, что мне следует предпринять дальше. Прожить семнадцать лет среди людей, которым привыкла доверять все свои беды и радости, а в итоге осознать, какое незначительное место занимала я на самом деле в их помыслах. Осознать свою полную ненужность, свою непохожесть на этих людей. Что я видела в этой жизни, что умела? Чем могла заработать себе на пропитание? Может, мне следует стать наемником, или лучше – поступить в бродячий цирк и развлекать зевак своим безобразным лицом? Где искать настоящих родителей? Возможно, мне нужно отправиться в столицу королевства?

– Да, да, дитя мое, именно в столицу, – одобрительно произнес благозвучный голос у меня за спиной.

– Вы, сударь, наверно, великий маг, обладающий способностью угадывать мысли? – Я с некоторой опаской разглядывала невесту откуда появившегося незнакомца. Вне всякого сомнения, он принадлежал к народу эльфов. Высокая стройная фигура, длинные пепельные волосы, свободно ниспадающие на плечи, вычурное богатое одеяние и миндалевидные зеленые глаза являлись слишком очевидными признаками.

– Нет, моя дорога девочка, я не маг. Я всего лишь Лионель Шеар-эль-Реанон, брат принцессы Альзиры, младший сын короля эльфов с Поющего острова и твой родной дядя! – Лионель буквально упивался эффектом, произведенным на меня его словами. Определенно, сегодняшний день выдался слишком богатым на неожиданности.

– Я дочь эльфийки? Да вы, верно шутите, сударь! – Ничего более несуразного я и представить себе не могла. – Эльфы прекрасны, и ваша внешность наилучшее тому подтверждение! А я... Да вы даже предположить не можете, на что похоже мое лицо! Скорее уж я поверю, что моей матерью стала какая-нибудь безобразная троллиха...

– Тише, дитя мое! – Эльф нежно обнял меня и увел в прохладу под раскидистым деревом. – Долгое пребывание на солнце помutilо твой рассудок. Ты просто еще не знаешь, что иногда самая прекрасная любовь приносит только горе и разочарование. Выслушай меня. – На белоснежное чело Лионеля набежала тень, словно он вспомнил что-то печальное. – Когда-то не так давно, девятнадцать лет назад, у короля эльфов выросла красавица дочь. Девушка достигла брачного возраста, и слава об ее бесподобной красоте разнеслась далеко за пределы Поющего острова. Много благородных принцев и королей добивались руки прелестной Альзиры, но сердце принцессы оставалось холодным, а король не хотел принуждать любимую дочь к пусть выгодному, но несчастливому браку. Однажды в королевстве намечался очередной турнир певцов. Огромное количество гостей приехало на остров по этому знаменательному поводу. Был среди них и самый могущественный – молодой правитель Нарроны. Загадочный красавец с мощной фигурой, всегда одетый в черное, с маской, усыпанной алмазами, неизменно закрывающей лицо. Король увидел юную Альзиру, услышал ее волшебный голос и влюбился без памяти. Эльфийская принцесса тоже не осталась равнодушной к обаянию таинственного гостя. Его высокая статная фигура, локоны цвета ночи, огромные черные глаза, огнем пылающие в вырезе маски, вдохнули жар страсти в сердце наивной девушки. Влюбленные встретились тайно и обменялись поцелуем, скрепив, таким образом, клятву вечной любви и верности. Наутро король Нарроны просил у короля эльфов руки его единственной дочери. В ответ властелин Поющего острова потребовал от гостя только одного – снять маску и показать ему свое лицо. Король Нарроны приказал свите удалиться из комнаты и сделал это, оставшись наедине с будущим тестем. Крик ужаса, который испустил старый эльф, слышал весь замок. После этого короля Нарроны с позором выгнали с Поющего острова. Король уехал, не сказав никому не слова. Но следующей ночью принцесса Альзира сбежала из отцовского замка и отправилась вслед за любимым. Счастливый жених привез прекрасную невесту в свое королевство и отпраздновал пышную свадьбу. Молодожены зажили в счастье и согласии. Народ боготворил умную, добрую Аль-

зиру, король исполнял все прихоти жены – за исключением одной. Он заставил королеву дать ему клятву, что она никогда не попытается увидеть его лицо. Молодая королева послала отцу письма, в которых сообщала о своей безоблачной жизни. Сердце старого эльфа смягчилось, и он простил повелителя Нарроны. Через несколько месяцев оба королевства отмечали радостное событие. Королева готовилась подарить стране наследника престола. До дня родин оставалось совсем мало времени, а Альзиру все сильнее мучила мысль – на кого же будет похоже ее будущее дитя? И однажды ночью, когда король крепко спал под действием подсыпанного ему снотворного, она не смогла сдержать своего любопытства и приподняла черную маску, всегда скрывающую лицо ее любимого. От ужаса при виде лица супруга королева потеряла сознание, начались преждевременные роды. Альзира произвела на свет дочь, которую назвала Ульрикой, а через полчаса – ее брата-близнеца. Перворожденную дочь королева отдала своей подруге и придворной даме Антуанетте де Брен с просьбой спрятать малышку и никогда не показывать ее чудовищу, которое было ее отцом. Альзира предчувствовала, что страшное проклятие уродства, поразившее короля, не минет и ее детей. Девочку спешно, в большой тайне, вынесли из замка. Подоспевший к ложу жены король принял второго ребенка, младшего сына. После этого обессиленная, напуганная, умирающая королева призвала на помощь своего отца. Эльфийские маги выполнили приказ старого короля и перенесли Альзиру на Поющий остров, где смогли спасти ее жизнь, но не ее рассудок...

Затаив дыхание, я слушала невероятный рассказ Лионеля.

– Моя мать жива? – с трепетом спросила я, ожидая самого худшего.

– Жива. Она спокойно живет на Поющем острове, но душа ее блуждает во мраке.

– А мой брат?

– Он тоже жив. С первого дня при нем неотлучно находился воспитатель, эльфийский маг и наш близкий родственник. Но вот уже некоторое время от него не приходит никаких вестей, и мы оеспокоены судьбой принца Ульриха. Мы надеемся, что ты сможешь попасть в столицу и встретиться с отцом и братом. Нам кажется, что им очень нужна твоя помощь! – Лионель с надеждой всматривался в мои глаза.

Никогда в жизни мне еще не приходилось принимать решений, от которых зависела бы чья-то участь. Я, совсем недавно считавшая себя брошенной, безродной сиротой, внезапно обрела имя, семью и огромное чувство ответственности.

– Дядя, скажите, неужели проклятье, поразившее моего отца, заставит меня всю оставшуюся жизнь носить маску, скрывая свое уродство от нормальных людей?

– Не знаю, милая племянница, – беспомощно развел руками Лионель. – Но в сокровищнице нашего архимага хранилась волшебная вещь, которую он просил передать тебе. Эта вещь называется Зеркалом истинного облика и отражает красоту души. – Лионель достал из сумки, висевшей у него на поясе, небольшое зеркало в простой железной оправе и протянул его мне.

Дрожащими руками я схватила подарок, сорвала с лица маску и заглянула в стеклянную поверхность.

Лицо, отраженное в зеркале, завораживало чарующей красотой. Высокие нежные скулы, прекрасные зеленые глаза, тонкий точеный нос и губы совершенной формы, похожие на лепестки розы, без сомнения принадлежали эльфийке. Однако упрямая линия подбородка, взгляд, острый, как удар стилета, и властный разлет бровей не вязались с обликом хрупкой беззащитной красавицы. Артефакт показал мне лицо грозной, сильной воительницы, готовой на равных потягаться с любым врагом. И это была я! От неожиданности я чуть не уронила волшебное зеркало.

– Наш маг говорит, что, только обретя свою истинную суть, ты сможешь вернуть свое настоящее лицо, – тихонько шепнул мне Лионель. – Только найдя своего брата-близнеца...

«Брат! У меня ведь есть брат, и возможно, он сейчас в беде». – Мысль полоснула, как удар клинка. Я свистом подзвала Беса, засунула зеркало в карман и вскочила в седло.

– Да гоблин с ним, с лицом! – крикнула я. – Сначала брата найду, а потом и с лицом разберусь...

Бес взял в галоп, да так, что взметнувшийся порыв ветра покачнул эльфа, до самых глаз обмотав полами широкого плаща.

– Сумасшедшая! – донеслись до меня последние слова Лионеля. – Сумасшедшая принцесса!

«Что ж, – подумала я, – Сумасшедшая принцесса – звучит недурно!»

Бес вихрем мчался через лес.

Глава 3

Мне очень хотелось бы узнать – какой садист придумал глупую фразу насчет раннего подъема и божьей благодати? Когда тащишься, не выспавшись, по длинной дороге, в голову приходит совсем другая истина, проверенная на собственном опыте. Кто рано встает – тому весь день спать хочется. Вот так-то оно правильное будет.

Подбадривая себя подобными рассуждениями, поминутно клюя носом и чуть не вываливаясь из седла, я умудрилась доползти до ближайшего населенного пункта. Городок Бранзон, хоть и не ахти что, но все же насчитывал несколько тысяч жителей и слыл местом, где покупается и продается все, в том числе и нужная информация. В Бранзоне я запаслась продовольствием и, совмещая карту с информацией, полученной от приветливых жителей, спланировала свое путешествие к столице. Путь до Нарроны, столицы одноименного королевства, предстоял не близкий. Больше всего меня подгоняло смутное предчувствие опасности, поселившееся в душе после разговора с Лионелем. Опасности, нависшей над никогда не виденными, но уже такими дорогими моему сердцу отцом и братом. Смогу ли я преодолеть эту опасность, столкнувшись с ней лицом к лицу? Мысль об этом меня в то время не волновала. Надо еще приблизиться к этой опасности. А разрешать проблемы я всегда предпочитала по мере их появления.

Немного отъехав от города, я вступила на совершенно незнакомую мне территорию, потому что никогда еще до этого дня не заезжала в подобные, гоблинами проклятые, дали. Несмотря на подробные инструкции горожан, заключающиеся в указаниях: «в эту сторону, потом тудысь, а после этого – да упора налево», – дорога петляла бессистемно. К тому же почему-то совершенно не баловала встречными путниками. Спустила несколько часов мы с Бесом вообще, похоже, остались единственными, кто путешествовал по непонятно от чего обезлюдившему тракту. Это настораживало. Сначала я, практически не знакомая с жизнью и обычаями сельских жителей, предположила, что день сегодня не торговый, поэтому и людей нам встречается мало. Но чем дальше мы с Бесом в полном одиночестве путешествовали по вымершей дороге, тем больше я убеждалась в нелепости собственных домыслов. Меня, привыкшую доверять собственной интуиции, не раз уже до этого спасавшей от опасных ран, преследовало ощущение неправильности не только необъяснимой безлюдности большого проезжего тракта, но и неестественной тишины леса, окружавшего дорогу. Лес не издавал ни звука. Казалось, все живые существа, обитавшие в нем, затаились в своих укрытиях, с трепетом ожидая чего-то, надвигающегося с неумолимостью смерти. Пристально всматриваясь в обступающие дорогу деревья, я с удивлением заметила, что, несмотря на самый разгар лета, листья на них пожелтели и съезжились, будто опаленные дыханием холодного северного ветра. Стволы деревьев, сплошь затянутые то ли плесенью, то ли паутиной – мгновенно усохли, производя неизъяснимо гадостное впечатление. Пожухлая трава, сменившая свой яркий зеленый цвет на блекло-серый, выглядела так, словно ее присыпал неизвестно откуда взявшийся пепел. Теперь мне стала понятной и давно проявляемая нервозность Беса, на которую я, поглощенная размышлениями, ранее не обращала внимания.

Неожиданно впереди на дороге, окруженное клубами пыли, возникло нечто, движущееся навстречу мне. Оно приближалось с каждой секундой, и вскоре я смогла рассмотреть высокую худую фигуру неопределенного пола, закутанную в потертый черный плащ. Существо гордо восседало на невероятно костлявой белой лошади. Несмотря на то что, судя по внешнему виду и степени заморенности, лошадь должна была пасть еще как минимум пару часов назад, животное передвигалось с беспримечной резвостью, быстро переставляя длинные жилистые ноги, сливавшиеся в одну размазанную белую полосу. Резкий порыв ветра со стороны приближающейся фигуры принес с собой промозглый холод и страшное зловоние,

миазмами своими отравившее воздух до такой степени, что у меня перехватило дыхание. Бес панически заржал и шархнул к обочине. Не обращая на нас ни малейшего внимания, чудовищная лошадь проскакала мимо, даже не замедлив стремительного галопа. Поравнявшись со мной, фигура вдруг резким движением руки откинула капюшон черного плаща, до этого мгновения прикрывавший ее голову и явила мне свой бледный лик. Демоническое лицо этой твари в своей крайней степени истощения напоминало череп, обтянутый мертвенной кожей. Ужасные глаза, похожие на красные пылающие угли, глубоко утопали в огромных провалах глазниц. Череп обрамляли длинные патлы спутанных волос, местами иссиня-черных, а местами ослепительно белых. Растрескавшиеся, покрытые язвами губы твари растянулись в гротескном подобии приветственной улыбки, а костлявыми фалангами поднятой правой руки, вытянутой в мою сторону, фигура сделала короткий дружелюбный жест. Меня обдало пронзительным запахом гниющей мертвечины. Желудок взбунтовался, и, не в силах сдержать отвращения, я еле успела свеситься с седла, как меня буквально вывернуло на изнанку. Увидев это, существо рассмеялось громким гулким смехом и умчалось прочь так быстро, что оставалось лишь гадать – правда ли виденная тварь встретила меня, или же была всего лишь плодом моего утомленного разума.

Солнце лениво клонилось к закату. Длинный и весьма бурно проведенный день заканчивался. Поняв, что запросто могу заснуть от усталости, даже не сходя с седла, а гравий под копытами Беса вскоре станет совершенно неразличим, я решила свернуть с опасного тракта и поискать хоть что-то, способное дать пристанище на ночь. Остаться вблизи этого места, под покровом ночного мрака, мне не хотелось. Мало ли что еще могло проехать по этой проклятой гоблинами дороге!

Густой мрачный лес вскоре расступился, явив нашим глазам полосу вспаханных полей и небольшую группу убогих деревянных хижин, крытых дерном. Очевидно, это была скромная лесная деревенька с населением, судя по числу увиденных мною домиков, не превышающим трех-четыре десятков душ. Ни единой струйки дыма не поднималось над плоскими крышами, и ни один звук не нарушал тишины этого уединенного уголка. Возможно, лесные жители, утомленные долгим трудовым днем, улеглись спать еще до захода солнца? С этими мыслями я решительно въехала на единственную улицу и громкими невежливыми криками, сопровождаемыми стуком по доскам, постаралась привлечь к себе внимание. К моему удивлению, и первые, и вторые ворота распахнулись под малейшим нажимом, обнаружив двory, захламленные кучами разнообразных, беспорядочно сваленных предметов домашнего обихода. Стало понятно – несомненно, все жители одновременно покинули деревню, причем массовый исход происходил в большой спешке, помешавшей людям захватить с собой свой привычный скарб. Обследуя поочередно все попадающиеся мне двory, я выехала на главную и также, похоже, единственную площадь деревушки, в центре которой возвышался сруб большого колодца. На площади я вновь приложила ко рту сложенные рупором руки и сделала последнюю попытку докричаться хоть до кого-нибудь живого. Неожиданно в ответ на свои громкие вопли я услышала робкие болезненные всхлипывания, несшиеся, как мне показалось, со стороны колодца. Перевесившись через край мощного сруба, я заглянула в глубину мрака и сырость этой деревенской достопримечательности. На дне колодца, по щиколотку в воде, сидел кто-то, вероятно, замерзший и промокший до мозга костей и издающий жалобные стонущие звуки.

– Эй, ты кто? – закричала я, пытаюсь разглядеть всхлипывающего. – Какого мерзкого гоблина ты тут делаешь, когда в деревне больше никого нет?

Источник звуков поднял голову, и я возмущенно ругнулась, увидев расширенные глаза испуганного, измученного ребенка.

– Меня бросили, добрая госпожа! – ответил мне жалобный голос. – В деревню пришла чума, и все убежали второпях, опасаясь за свои жизни. А меня оставили здесь, как откупную жертву!

– Почему же тебя? – изумилась я.

– Потому что я сирота, добрая госпожа, и после смерти никто не прольет над моей могилой ни единой слезинки...

У меня не нашлось ни одного доброго слова в адрес людей, панически бегущих при приближении заразы и пытающихся откупиться от ужасной болезни ценой жизни несчастного одинокого ребенка, за которого даже вступиться некому. Грязно ругаясь и желая много чего неприятного всем сбежавшим мерзавцам, я спустилась в колодец по веревке, привязанной к вороту, обвязала под мышки и вытащила безвольное обмякшее тело. Уложив спасенного на траву и скрипя зубами от злости, я обнаружила, что это подросток лет четырнадцати от роду. Высокий, но очень худой, с красивым лицом и добрыми карими глазами.

– Как зовут тебя, малыш? – Я ласково отвела от лица мальчика спутанные пряди густых черных волос.

– Тим, добрая госпожа, – ответил несчастный, оробев при виде сияющей роскоши моей золотой маски. К несчастью, даже такой необременительный для него подъем лишил мальчишку последних сил и, видя его закатывающиеся глаза, я поняла – он близок к забытию. Плохо было и то, что жестокая чума все-таки нашла свою жертву. Два огромных, наполненных гноем и дурной кровью бубона располагались на ключице и правой руке мальчика. Понимая, как глупо оставаться на ночевку в зараженной деревне, я вывезла Тима подальше в лес, где, видимо, только при помощи Пресветлых богов обнаружила чистую полянку с живой зеленой травой и протекавшим по ней маленьким ручейком. Там я споро передела мальчика в свою сухую запасную одежду, развела костерок и, вскипятив в котелке немного родниковой травы, заварила чай из лечебных трав, припасенных у меня в сумке. Стараниями мэтра Кваруса и благодаря собственному любопытству, побуждавшему меня читать без разбора все книги в библиотеке замка, я понимала в науке врачевания намного больше своих легкомысленных сестер. Я вскрыла оба чумных нарыва на теле Тима, выпустила их мерзкое содержимое и наложила на раны повязки с дегтярной мазью. Нежно успокоив поминутно благодарившего меня за заботу мальчика, я уверила его в том, что он больше никогда не останется один, и устроила на ночлег со всем доступным нам комфортом. Утомленный ребенок вскоре забылся горячечным сном. Я же решила ни на минуту не смыкать глаз, несмотря на владешую мной усталость. Жестокая Чума, уже начавшая свое черное дело, не оставит полумертвую жертву. Этой ночью, когда истощенный мальчишка устанет сопротивляться разрушительному действию болезни, она придет, чтобы увести его в царство мертвых. «Ничего, – подумала я, – она еще не пробовала чудесной стали моего Нурилона. Я-то, небось, окажусь покрепче хилого мальчишки. Пусть-ка ее величество бубонная чума попробует забрать у меня жизнь Тима. Как бы ей самой потом жалеть не пришлось, что она связалась с Сумасшедшей принцессой!»

С такими мыслями я очертила защитный круг, поручив его границу охране Пресветлых богов, разожгла костер поярче – и уселась у огня с обнаженным оружием в руках, приготовившись любой ценой защитить жизнь Тима.

Видимо, я все-таки переоценила свои силы, усталость оказалась сильнее, и я задремала. Разбудило меня деликатное негромкое покашливание, раздавшееся где-то совсем рядом. Первым делом я обернулась к Тиму, но мальчик крепко спал, завернувшись в мой плащ. Дыхание его выровнялось, жар спал. Кажется, мои лекарства оказались достаточно действенным средством в борьбе с тяжелой болезнью. Между тем негромкое покашливание раздалось вновь, и я рывком вскочила на ноги, с содроганием увидев того, кто стоял

на лужайке. У самой границы защитного круга, который я, недолго думая, очертила прямо на траве копытю от обожженной смолистой ветки, возвышалась тощая фигура загадочной твари, накануне встреченной мною на дороге, ведущей к Бранзону. Впрочем, после спасения Тима я уже догадывалась – кем был этот зловещий путник, и с гневом и скорбью в сердце осознавала, что произошло с жителями города, если чума не миновала их на своем пути. Сейчас же мерзкая тварь спокойно стояла на рубеже защитного круга и, откинув с лица капюшон плаща, заинтересованно разглядывала меня своими пылающими глазницами. Легкая, почти нежная улыбка играла на усыпанных струпьями губах твари, пока я ошарашенно старалась понять – какого гоблина поганая врагиня разбудила меня столь деликатно, вместо того чтобы попытаться напасть, пользуясь моей глупой неосторожностью.

Видя, что молчание затягивается, Чума сделала еще шаг вперед, подойдя вплотную к линии круга, и произнесла неожиданно звучным обволакивающим голосом:

– Ну, здравствуй Морра, вот мы с тобой и встретились!

– Убирайся! – прошипела я, заноса над плечом сверкающее лезвие Нурилона. – Чтобы добраться до Тима, тебе придется сначала убить меня, и обещаю, что это будет нелегко даже для такого опытного пожирателя человеческих жизней!

Чума изумленно вздернула брови, а потом расхохоталась звонким девчоночьим смехом:

– Уверяю тебя, дорогая племянница, у меня нет ни единого намерения причинить тебе хоть малейший вред! Если тебе так приглянулся этот оборванец, то забирай его себе. Думаю, матушка не против.

– Чего-чего? – обалдело переспросила я, – Какая племянница, какая матушка?

Логичнее всего было предположить, что от усталости и сумбура последних дней я просто сошла с ума, оправдывая данное мне прозвище.

Видимо, забывшись, я опять начала думать вслух, потому что окончательно развеселившаяся Чума отрицательно помотала головой и начала убеждать меня в моей абсолютной вменяемости:

– Ниоткуда ты не сходила! – Тут Чума подмигнула мне своим красным глазом, и я много бы дала, что увидеть со стороны выражение своего лица.

– Может быть, я сплю? – вырвалось у меня. – Никогда не слышала большей несурязицы!

Впрочем, я тут же прикусила язык, вспомнив вчерашний разговор с Лионелем. Есть от чего потерять голову!

– Наверно, мало мне эльфийского дядюшки, красавца Лионеля, так теперь еще сюда в добавку заявляется сама бубонная Чума и утверждает, что она – моя тетя! Даже не смешно! – обиженно буркнула я. – Ну, кто еще может похвастаться тем, что препирался с самой Чумой?

– Действительно, никто, – усмехнулась Чума. – Видишь ли, милая родственница, почему-то разумные существа любой расы не очень-то любят вести со мной философские беседы.

– Да уж, еще бы! – проворчала я себе под нос.

Чума корректно сделала вид, что не заметила моих последних слов и пустилась в странные объяснения:

– Пойми же, дорогая Морра, нам совершенно наплевать на твою эльфийскую кровь, но с другой стороны – твой батюшка, король Мор, приходится сыном матушке Смерти и моим сводным братом! Вот только не знаю, кому довелось стать его отцом, матушка никогда нам об этом не рассказывала....

– Кому это – нам? – растерянно поинтересовалась я.

– Как это кому? – патетично всплеснула руками Чума. – Мне и моим родным сестрам – Оспе и Лепре. Хочу тебя заверить, Морра, мы все твои любящие тетки!

– А ее величество Смерть, значит, приходится мне родной бабушкой? – Мне сейчас очень пригодилась бы повязка, которой покойникам подвязывают отваливающиеся челюсти.

– Ну да! – ласково проворковала Чума. – Мы так долго не могли разыскать тебя! Матушка всегда очень неодобрительно относилась к браку своего сына с этой эльфийкой, тем более что брак не принес ему ничего, кроме горя. Но теперь она будет счастлива лично убедиться в том, что ее любезная внучка пошла в наш род и умом, и внешностью. Приди же в мои объятия, дорогая племянница! – и Чума призывно распахнула руки.

Ничего себе родственнички! Что-то я пока совсем не горю желанием встретиться со своей любящей бабушкой. Между тем рассудок подсказывал мне, что Чума не обманула меня ни единым словом.

– Заходи сюда, – любезно пригласила я Чуму.

Тетка, недолго думая, облегченно перешагнула разделяющую нас линию и, распахнув полы черного плаща, грациозно опустилась на траву. Под плащом обнаружился изящный новенький батистовый саван, рюшки которого Чума кокетливо оправила костлявыми пальцами. Я уже утратила на сегодня способность удивляться. Ну, ясно дело, а во что бы еще могла быть одета благородная дама, притом имеющая подобный фамильный статус!

– А что теперь будет с ним? – Я указала в сторону тихонько посапывающего Тима.

– Да, чуть не забыла про мальчишку! – В руках Чумы неизвестно откуда вдруг появились две горящих свечи, одна черного, другая – белого цвета. Тетушка деловито задула первую свечу, а второй, ярко вспыхнувшей – махнула в сторону мальчика.

– Будет жить! – торжественно объявила она. На этом ее интерес к Тиму оказался исчерпан.

Не желая показаться негостеприимной, я достала сумку с припасами и предложила тетушке ломоть мясного пирога. Чума с благодарностью приняла угощение и, с наслаждением впиваясь зубами в аппетитно благоухающий кусок, устало вздохнула:

– Нароботалась я сегодня!

Уловив скрытый смысл этой фразы, я досадливо поморщилась:

– И сколько невинных людей ты сегодня погубила, тетушка?

Чума отвлеклась от пирога и с недоумением воззрилась на меня:

– О чем ты говоришь, Морра? Я никогда не забираю невинные души.

– А как же он? – Я показала на спящего Тима. – В чем провинился он, если ты хотела забрать его?

– Вот так всегда! – Губы Чумы изогнулись в плаксивой гримасе. – Стараешься, трудишься на благо всем, и никакой тебе благодарности! Даже родная племянница – и та осуждает! – Чума дернула плечом и обиженно повернулась ко мне спиной.

– Ну-ну, тетушка! – Я добавила виноватых интонаций в голос. – Тогда мне просто не хватает мудрости, чтобы понять смысл твоих поступков.

– А тут и понимать нечего! – Чума, как ни в чем не бывало, вновь принялась за пирог. – Мы свою работу делаем, а думать, что да как – не наша забота.

– А чья? – изумилась я.

– Э, деточка... – Чума отхлебнула вина из поданной фляжки и одобритительно прищелкнула языком. – На все воля Пресветлых богов! Они то и решают – кому когда родиться надобно, кому когда умереть пристало. А уж потом матушка Смерть все взвесит и оценит – кому от болезни – за грехи его, кому с почетом на поле брани – за подвиги...

– Тетушка, – взволнованно перебила я, – я так понимаю, что и ты, и бабушка всего лишь исполнители воли богов?

– Правильно понимаешь! – расцвела в улыбке опьяневшая Чума. – Ты у нас умной девочкой уродилась! Ты, племянница, на бабушку не серчай, она у нас добрая – так и норовит

всем участь облегчить – побыстрее да побезболезненнее жизнь унести. А боги – они злые да жестокие! Очень уж они не любят, когда кто-то против их воли идет...

– Значит, Тим?.. – Столь дикая мысль просто не укладывалась у меня в голове.

– Ну да. – Чума испуганно оглянулась, словно кто-то мог услышать нас в ночном лесу, и, приблизив губы к моему уху, зашептала: – Боги сами велели – мол, мальчишку за всю деревню, а благодарные селяне им за это потом целую жизнь молитвы возносить будут! Торговцы также сделки совершают, только там – счет на баранов идет!

– Ах, они, кровопийцы! – возмутилась я. – Да за что же их тогда Пресветлыми называют?

– Тс-с-с-сс... – Костлявая рука Чумы зажала мне рот. – Осторожнее, девочка! Гнев богов ужасен! Они и тебе отомстить могут, тем более и родилась ты против их воли...

– Как же так?

– А вот так! – Чума довольно хмыкнула. – Наш-то род давно хочет с богами поквитаться. Уж больно жадными они стали. Живут за счет человеческих душ – и все время сильнее и сильнее от этого становятся. Жиреют. А сами-то, как ты, – тут тощий палец Чумы указал на мою маску, – вот так же лицо закрывают, и никто никогда без масок их не видел!

«Да уж, – тут же подумала я, – скрывают – значит, есть, что скрывать!»

– Ох, чую я, девочка, – между тем продолжала изливать душу Чума, – придется еще тебе столкнуться с Пресветлыми богами на узенькой дорожке! – «Пресветлыми» она произнесла – словно выплюнула. То ли от избытка вина, то ли от избытка родственных чувств тетка привлекла мою голову к себе на плечо и принялась любовно поглаживать спутанные рыжие волосы. Я не сопротивлялась. Наоборот, удивительное тепло наполнило мою душу. И пахло теперь от Чумы совсем не противно, а как-то по-женски, даже по-девичьи – нежными лесными фиалками.

В таком приятном расслаблении мы провели несколько минут, но потом Чума взяла себя в руки и шумно высморкалась в оборку нарядного белоснежного савана. И хотя она тщательно скрывала от меня свое лицо, я была готова дать на отсечение правую руку, что видела: в ужасных глазницах Чумы сверкнули капли чистых материнских слез.

– Прости, девочка, отвлеклась. А ведь я к тебе по делу! – Чума вновь говорила властно и холодно. – Матушка Смерть твоей помощи просит, а мне велела пособить тебе всем, чем только смогу!

Определенно, слишком многие за последнюю пару дней ощутили потребность в моей помощи!

– Неладное творится в твоей семье, ой, неладное! – рассказывала Чума. – После исчезновения Альзиры король долго горевал, но потом одумался, объявил принца Ульриха наследником престола и серьезно взялся воспитывать будущего властелина. Принц радовал всем – и умом, и душевными качествами, и настоящим талантом к воинскому искусству (тут мой рот сам собой расплылся от уха до уха). Вот только лицом юный принц пошел в короля-папеньку, и поэтому с младых лет тоже вынужден был носить черную маску. О тебе в то время король Мор и слыхом не слыхивал. Когда принцу исполнилось два годика, король рассудил, что негоже двум мужчинам жить без женского присмотра, и женился вторично. Жену на этот раз он выбрал подстать себе – могущественную черную фею. Молодая жена вскоре тоже порадовала короля детьми, как и первая супруга, подарив ему близнецов, брата и сестру. Великие силы предопределили рождение этих детей, сами Пресветлые боги нарекли им имена – Страх и Ужас. Король Мор был недоволен, но подлые боги, преследуя одним им ведомые цели, сумели усыпить его бдительность, предрекая детям славное будущее. Вскоре после рождения детей умерла королева-фея, и король, рассудив, что, видно, не суждено ему стать счастливым в личной жизни, остался один, с тремя детишками на руках. Вот только брат с сестрой, достигнув тринадцати лет, решили самостоятельно править государством.

Заточили наследника престола, вместе с его воспитателем-эльфом, в подземелье, а батюшку-короля (я громко ахнула) то ли околдовали, то ли тоже куда-то спрятали. И такие злодеяствия они творить начали, что сама Смерть ужаснулась и решила призвать неразумных внуков к ответу. Только не послушались они бабушку: им-де сами Пресветлые боги покровительствуют. Вот и велела матушка Смерть тебе кланяться, – Чума и в самом деле склонилась передо мной голову, – и помощи твоей просить – вызволить брата твоего единокровного из заточения, и отца своего спасти, если это еще возможно.

Рассказ Чумы поразил меня намного больше, чем даже слова Лионеля. Оказывается, не напрасно мучило меня предчувствие страшной беды, грозящей отцу и брату. Безусловно, мне просто необходимо прибыть в столицу королевства как можно скорее.

– А ты, тетушка, чем помочь мне можешь?

– А вот этим, – произнесла Чума, извлекая из рукава савана огарок белой свечи. – Этой свечкой много кого от самого порога царства мертвых вернуть можно. Бери, авось пригодится. И еще... – При этих словах Чума ловко выдернула у меня из-за пояса кинжал маркиза де Ризо, положила на колено кисть правой руки и одним ударом (я и помешать ей не успела), отсекла себе указательный палец. Палец мгновенно высох, превратившись в неприглядную белую косточку. Вырвав прядь двуцветных волос, Чума свила тонкий шнурок, которым и привесила мне на шею свой отрубленный палец. – Это, милая племянница, даст тебе власть над всеми черными колдунами, колдуньями и некромантами, которые только встретятся на пути.

– Тетушка, тетушка, – выйдя из ступора, закричала я, – ты только подожди чуть-чуть! Там в сумке у меня бинты и мази...

Чума засмеялась и нежно ущипнула меня за щеку:

– Ай, спасибо за заботу, племянница! Только чего же делается мертвой плоти-то? А палец сам отрастет новый – через пару дней!

Я взволнованно смотрела на Чуму. Как-то не укладывались в моей голове воедино эти нежные заботы страшной твари и рассказы о злодеяниях Пресветлых богов. Осененная внешне догадкой, я вытащила из кармана Зеркало истинного облика, подала его Чуме и сама заглянула ей через плечо.

Чума смотрелась в зеркало, поправляя пряди длинных волос. В стеклянной поверхности отражалось усталое лицо молодой симпатичной женщины, с нежной перламутровой кожей и огромными васильковыми глазами. Глаза так и излучали доброту и всеобъемлющее сострадание ко всему живому. Лицо обрамляли шелковистые локоны цвета воронова крыла.

– Хороша! – довольно резюмировала Чума, продолжая любоваться своим отражением. – И впрямь хороша! Недаром, видать, ко мне сам архидемон Азур сватался. Вот подумаю, подумаю еще, да и дам ему согласие! – и тетушка счастливо зарделась, как невеста под венцом.

Я, не веря своим глазам, потерла их пальцами, но сказочное видение в железной рамке зеркала от этого не исчезло.

– Эх, Морра, Морра, – покачала головой Чума, возвращая мне волшебную вещицу, – молода ты еще, не понимаешь, что душу – ее и без зеркала видно...

Чума поднялась, потом вновь наклонилась и нежно поцеловала меня в лоб. Заглянув близко-близко в черные провалы ее глазниц, я и без помощи зеркала явственно увидела в их глубине яркий васильковый отблеск.

– Засиделась я, а тебе отдохнуть нужно. Спи, племянница, под моей защитой вас никто тронуть не посмеет. – Чума тихонько отступила в сумрак ночи.

Уже засыпая, я все еще продолжала ощущать витающий в лесном воздухе удивительный аромат цветущих фиалок.

Глава 4

Наутро Тим проснулся совсем слабым, испарина выступила на его бледном лбу. Но это оказалось прощальным знаком бесследно ушедшего жара, и я с облегчением констатировала, что мальчик находится на пути к выздоровлению. Еще пару дней мы провели в лесу, на этой же гостеприимной полянке, дожидаясь, когда мой спутник немного наберется сил и сможет тронуться в дальнейший путь. Непосредственная болтовня этого совсем не глупого мальчишки помогла мне немного разобраться в странных фактах, совершенно перемешавшихся в голове после разговора с тетушкой Чумой. Впрочем, я не сочла нужным посвящать Тима в подробности того ночного свидания. Меньше знаешь – крепче спишь, так звучит проверенная народная мудрость. А мне вовсе не хотелось лишать мальчишку возможности спать крепко, пугая его рассказами о своих родственных связях. Весьма умилило меня откровенное желание Тима добровольно принять на себя обязанности моего оруженосца, высказанное им с прямоотой и щепетильностью, делавшими честь его храбрости и совсем недурственным манерам. Оставалось только поздравить себя с тем, что в такой глухой местности нашелся молодой человек, своей внешностью и незаурядными умственными данными способный удовлетворить и более взыскательного хозяина, чем тот, которым когда-либо могла стать я. Будучи не слишком далекими друг от друга в смысле возраста, мы вскоре по-настоящему сдружились и легко перешли на ты. Хотя Тим, выздоравливая, начал относиться ко мне немного покровительственно, как, впрочем, наверно, и должен относиться к молодой девушке заботливый юноша, к тому же рослый и широкоплечий не по годам. Вот только обращаться ко мне по имени без добавления приставки «моя госпожа» Тим отказался раз и навсегда, мотивируя это безоговорочной верой в мое благородное происхождение. Я не стала разубеждать своего свежеиспеченного оруженосца, подозревая, что самолюбию Тима безмерно льстят его прозорливые мысли.

Через два дня, когда Тим уже окреп и свободно передвигался по лужайке, чья-то заботливая рука привела к нашему скромному пристанищу резвую каурюю кобылку, благосклонно принятую как Тимом, так и Бесом. Тим только удивленно покосился на меня, когда я немного претенциозно, громко нарекла кобылку Чумкой и велела мальчику собираться в дорогу. Еще накануне я наведальась в опустевшую деревню и воспользовалась рассеянностью местных жителей. Выбрала в одном из домов (судя по всему, это оказались хоромы старосты), комплект добротной мужской одежды. Наряд понравился Тиму и пришелся ему впору. Я злорадовалась, мысленно обращаясь к селянам, которые намеревались убить, а вместо этого одели и вооружили моего оруженосца. Одобрительно проследила я за тем, как мальчик умело привесил к поясу неплохие нож и меч, обнаруженные в мастерской местного кузнеца. Судя по тому, как решительно и привычно он сдвинул на бок пряжку ремня, дабы ножны меча приходились точно под левую руку, обращаться с оружием он умел, и умел довольно недурно. «Что ж, – поняла я, – кажется, я приобрела даже больше, чем предполагала». В лице Тима тетушка Чума преподнесла мне весьма ценный подарок.

Еще через пару дней пути, которые мы провели, развлекая друг друга беспрестанной болтовней и легкомысленно не соблюдая ни малейших мер предосторожности от возможных опасностей (к счастью, нам не встретившихся), мы прибыли в город Меласс, гораздо более крупный и густонаселенный, чем известный мне Бранзон. К моему величайшему облегчению, никаких признаков посещения Чумы в Мелассе не наблюдалось, и я решила, что страшная дама миновала этот город. Поэтому вступление нашей маленькой группы на широкие меласские улицы прошло очень скромно, не вызвав у горожан ни малейшего внимания. Оставив Тима на маленьком постоялом дворе, я решила пополнить свои географические

познания, власть побродив по извилистым переплетениям вымощенных камнем мостовых. Да, в этом городе было на что полюбоваться. Искушения подстерегали меня на каждом шагу. Первое искушение явилось в виде роскошного кольца из розовых жемчужин, встреченного в лавке богатого ювелира. Второе – в мастерской модного портного: бархатный белый колет, сплошь расшитый золотыми нитями, оказался вещью невероятно красивой, но совершенно никчемной в моем путешествии в столицу. Наверно, в данной ситуации мне больше подошла бы прочная кольчуга, поэтому после недолгих, но здравых самоувещеваний я благополучно выстояла в борьбе с двумя искушениями. Вернее, выстояла бы, потому что третьим искушением стала лавка оружейника, которую я никоим образом не смогла обойти стороной.

Лавка находилась на узкой боковой улочке, почти полускрытая выступами двух соседних домов. Это могло бы навести на правдоподобные мысли о том, будто лавка не хранит в себе чего-либо ценного. Но ранее я уже имела возможность убедиться в том, что хорошее – в рекламе не нуждается, и слухи о подобных заведениях распространяются среди истинных знатоков и ценителей оружия отнюдь не благодаря пустопорожним рассказам и шумихе. Опыт посещения в Бранзоне лавок мастеров-оружейников не подвел меня и на этот раз, когда я осторожно перешагнула скромный порог небольшой комнаты, укутанной полумраком. Действительно лишний свет, как и лишние посетители, здесь совершенно ни к чему. Хозяин, низкорослый гном с окладистой седой бородой, стоящий за конторкой в глубине лавки, окинул меня настороженным цепким взглядом, и в тот же момент выражение неприязни на его угрюмом лице сменилось широкой угодливой улыбкой. Моя осанка и мягкая стелющаяся походка бойца, рукоять Нурилона над правым плечом, были для этого мастера лучшей рекомендацией. Гном многозначительно улыбнулся и приглашающе взмахнул рукой, предлагая мне оценить богатство выставленного товара. Как я и предполагала, внутреннее содержимое лавки ни в коей мере не сочеталось с ее скромным внешним обликом. На одной из стен красовалась впечатляющая коллекция мечей гномьей работы, очевидно, изготовленная самим владельцем лавки. Качество оружия, его оформление и балансировка вызвали у меня восхищение, которое я не сумела скрыть от обрадованного хозяина. Другая стена оказалась отведена под оружие эльфийских мастеров. Стоимость одного клинка здесь приравнивалась к стоимости процветающей деревни с населением душ этак в пятьсот. Но не эти великолепные клинки стали объектом моего пристального внимания. У затертого прилавка стоял человек, разглядывающий нечто, лежащее прямо перед ним. Мой неожиданный визит прервал беседу владельца лавки и этого посетителя, потому что удивительное оружие, являвшееся предметом их диспута, и стало тем, от чего я уже не смогла отвести завороженного взора. Узкая, тонкая дага, длиной от локтя до кончика моих пальцев, с изящной серебряной рукоятью и ажурной гардой, могла показаться всего лишь детской игрушкой, если бы не ощущение скрытой угрозы, исходившее от удивительного оружия. Это было совершенное орудие для нанесения смертельных укулов, способное разить точнее и неотвратимее укуса змеи. Я покачала на ладони легкий, почти невесомый клинок, понимая, что уже не в силах с ним расстаться. Ах, какой прекрасной парой стала бы эта дага для моего верного Нурилона, и какой надежной защитой для левой руки! Находящийся в лавке посетитель заинтересованно следил за моими манипуляциями:

– Извините, сударыня, но я первым выбрал этот клинок!

Я порывисто обернулась к незнакомцу и взглянула на стоящую рядом со мной фигуру. Моему любопытному взору предстал высокий мужчина, одетый во все черное. Кожаный плащ небрежно свисал с широких плеч, не скрывая, а наоборот – подчеркивая мощь его атлетического, великолепно сложенного тела. Несмотря на кажущуюся тяжеловесность, в облике мужчины проступало ненавязчивое изящество прирожденного дворянина-аристократа. Под моим пристальным взглядом незнакомец снял шляпу, обнажив коротко стриженную черноволосую голову, и учтиво поклонился.

– Сударыня, – продолжил черноволосый, – право, меня самого очень огорчает тот факт, что я вынужден расстроить ваши планы, но я слишком долго искал именно это оружие, чтобы так легко отказаться от него даже ради такой красивой дамы!

Незнакомец опять отвесил мне вежливый поклон, подметая пол богатым плюмажем, украшавшим поля его шляпы. Несмотря на изысканную речь, меня весьма насторожило насмешливое выражение глаз мужчины. Глаза этого человека, пожалуй, стали тем единственным, что удавалось беспрепятственно разглядеть на его смуглом лице, подобно моему собственному – полускрытом маской. Только не золотой, а изготовленной из тончайшей, черной кожи. Маска оставляла открытой тяжелый подбородок с пикантной ямочкой и темные тонкие усики, кокетливо змеившиеся над весьма аппетитными губами. В прорези маски виднелись карие глаза, внимательно следившие за моими пальцами, ласково поглаживающими волшебную дагу. Ну, уж нет, я вовсе не собиралась выпускать это божественное оружие из своих загибающих ручек. Кроме того, в моем мозгу прочно засела уверенность, что смазливый пижон просто-напросто смеется надо мной. И я решила не церемониться:

– Сударь, – лениво процедила я, облокотившись на прилавок, – я выбрала это оружие второй, но, совершенно не учитывая этого обстоятельства, и даже вопреки ему, собираюсь стать его единственным обладателем, невзирая на все ваши галантные расшаркивания!

Брови незнакомца изумленно поползли вверх. Видимо, этот человек привык получать все, на что пал его благосклонный выбор, и не ожидал встретить отпора, тем более высказанного в такой неприкрыто наглой форме. Тем не менее, он продолжил разговор безупречно вежливо:

– От меня не укрылась ваша молодость, которая может служить оправданием вашей дерзости, – любезно извинил меня черноволосый дворянин. – Именно это, вкупе с вашей принадлежностью к прекрасному полу, послужит вам наилучшей защитой от каких-либо моих выпадов, высказанных устно или же, – тут незнакомец красноречиво притронулся к рапире, висящей у него на боку, – как-то иначе!

Я расхохоталась, постаравшись сделать свой смех максимально обидным:

– Сударь, уж не запугиваете ли вы меня? Могу вас заверить, что я тоже ношу оружие не только с целью приукрасить свой внешний вид. И делаю это далеко не так демонстративно, как некоторые мужчины!

Незнакомец поморщился и прикусил нижнюю губу. Очевидно, я задела его за живое, прямо намекнув на его фатоватость.

– Вы вздорная, невоспитанная девчонка! – уже далеко не так любезно констатировал он.

Я довольно улыбнулась. Ссора набирала обороты.

Черноволосый шагнул ко мне и, сделав жест, словно собирается объяснить что-то не замеченное ранее, осторожно взял дагу из моих рук.

– И все-таки, сударыня, вы упорно не желаете понять меня! Еще раз поясню вам, что именно это оружие я искал давно и долго! Собогадите посмотреть сюда, – с этими словами незнакомец извлек дагу из ножен, и повернул к свету лампы одну из сторон узкого трехгранного лезвия.

Я не сдержала возгласа удивления. Тонкий клинок оказался выполнен из незнакомого мне зеленоватого металла. Это явно была не эльфийская и даже не сильфская работа. К тому же, на одной из граней красовался странный знак, изображавший расколотое пополам солнце и надпись, выполненная на давно не употребляемом старозельфийском языке.

– «Рануэль Алатора» – «Разящая Игла», – вслух перевела я.

Теперь, в свою очередь, удивился черноволосый дворянин:

– Вы знаете старозельфийский?

– А почему бы и нет? – дерзко ухмыльнулась я. – Как видите, преподносить неожиданные сюрпризы умеют и невоспитанные девчонки!

Незнакомец растерянно потер подбородок:

– Сударыня, не будет ли излишней наглостью с моей стороны, если я поинтересуюсь вашим именем?

Я только хотела открыть рот, как он мягко положил мне на лицо затянутую в перчатку руку и, вплотную приблизив свои губы к моему уху, шепнул:

– Хозяин лавки слишком заинтересованно прислушивается к нашему разговору. Я уверен, что нам следует продолжить его в более уединенном месте. – Тут я согласно кивнула головой. – Давайте вскладчину приобретем злополучную дагу, и после этого, я надеюсь, сумеем выяснить все интересующие нас детали.

Сумма, запрошенная за клинок, оказалась невероятной. Но мы не стали торговаться. Благородное оружие стоило любых денег, вернее, было даже смешно измерять качества этого клинка в каких-либо денежных суммах. Я извлекла кошелек и вынула несколько самоцветов, прихваченных мной из дома. И можно понять, какими ошарашенными взглядами обменялись я и незнакомец, когда он, в свою очередь, выложил на прилавок несколько камней, не отличающихся от моих ни формой, ни размером. Хозяин радостно потер свои короткие ручки, и сделка состоялась. Незнакомец совершил любезный жест доверия, позволив мне повесить дагу к себе на пояс, и вышел из лавки, движением глаз предложив мне следовать за собой.

Несмотря на вечернее время, заходящее солнце являло слепящий контраст с полумраком оружейной лавки. Яркий свет позволил нам различить мелочи, оставшиеся незамеченными до этого момента. Черноволосый незнакомец неприкрыто любовался моей гибкой фигурой и буйной россыпью рыжих локонов, а я поняла, что он сам гораздо моложе, чем мне казалось ранее. Гладкая смуглая кожа рук и мощная, будто колонная, шея – красноречиво подчеркивали его молодость. Черноволосый выглядел лет на двадцать пять. Сдержанные манеры, осанка и приятный тембр голоса не только говорили об его действительно благородном происхождении, но и вызывали невольное чувство симпатии. Все это смягчило неприязнь, первоначально возникшую между нами, и мы обменялись виновато-любезными улыбками. Я отвязала заскучавшего в одиночестве Беса. Дворянин одобрительно присвистнул и только протянул руку, чтобы погладить морду моего жеребца, как Бес, совершенно не воспринимавший фамильярности со стороны незнакомых людей, так громко и хищно шелкнул зубами, что нахал невольно отскочил в сторону и сконфуженно рассмеялся задорным мальчишеским смехом. После этого он громко свистнул, и тут же, звонко стуча подковами, из-за угла вылетела поджарая рыжая кобыла, которая, радостно всхрапнув, сунула бархатный нос к плечу хозяина.

– Ой, какая красавица! – восхитилась я. – Прямо песня, а не лошадь!

Услышав такой комплимент, кобыла мелодично заржала.

– Все это говорят. – Незнакомец придержал стремя и помог мне вскочить на Беса. – Поэтому ее так и зовут – Песня!

– Послушайте, сударыня, – предложил он, когда мы мирно поехали бок о бок вдоль тихой улочки, – я знаю одно милое местечко за городом. До него совсем недалеко. Там можно поговорить, не опасаясь чьих-либо любопытных ушей и глаз....

Я немного отвлеклась, наблюдая, как рыжая Песня заигрывает с повеселевшим Бесом, поэтому не сразу уловила нить разговора.

– Сударь, – перебила его я, – почему вы не предпочли жеребца?

– Да вот равнодушен я к рыжим кобылам! – двусмысленно ухмыльнулся черноволосый.

Невольная краска смущения залила мое лицо. Хотя меня почему-то совсем не обидел фривольный намек незнакомца.

Все так же бок о бок мы выехали на окраину города, где на опушке ближайшего леса виднелась небольшая прогалина с живописно расположенным на ней ошкуренным бревном. Наверно, это было излюбленное место сбора всей романтически настроенной городской молодежи. Но сейчас время свиданий еще не подошло, бревно пустовало, поэтому я заняла его единолично, с удовольствием вытянув натруженные ноги. Незнакомец отказался занять место рядом и остался стоять напротив, опять пытливо рассматривая меня сквозь прорези черной маски. Он тщательно пытался скрыть свое, непонятное мне, беспокойство, но нервное подергивание уголков ярких губ свело на нет все усилия, прилагаемые для того, чтобы казаться невозмутимым. Я замечала – лишь одна навязчивая мысль владела в данный момент его помыслами. Поэтому, выждав пару минут и вежливо наблюдая за тем, как я вожусь, устраиваясь поудобнее, он вновь приступил к отложенным вопросам:

– Простите мою назойливость сударыня, но у меня имеются веские причины интересоваться вашим именем.

Я устало вздохнула. Было ясно, что, лишь удовлетворив свое любопытство, незнакомец оставит меня в покое.

– Сударь, меня зовут Ульрика де Мор, и я являюсь старшей дочерью короля Нарроны! Незнакомец презрительно скривился и раздосадованно топнул ногой:

– Какая недостойная вас ложь, сударыня! Я отлично знаком с генеалогией царствующего дома и, более того, имел честь лично лицезреть портреты наследного принца и его сводных брата и сестры. У короля Мора нет других детей. Следовательно, вы беззастенчиво приписываете себе не заслуженный вами титул! Никак не ожидал такой низкой лжи от такой привлекательной молодой леди...

Недослушав гневную речь незнакомца, я взбешенно вскочила и, выхватив из ножен Нурилон, буквально прорычала:

– Послушайте вы, гоблин вас раздери, я никогда еще никому не давала повода усомниться в правдивости моих слов и готова отстаивать ее с помощью оружия... – но тут же осеклась, увидев побелевшее лицо незнакомца.

Дрожащей рукой он рванул завязки плаща, словно они, перетянув горло, лишали его воздуха, и неуверенно блуждающим пальцем ткнул в сторону блестящего лезвия моего Нурилона.

– Во имя всего святого, откуда у вас этот меч?

– Я нашла его в тайнике замка Брен, принадлежащего моему приемному отцу!

– Ох! – только смог вымолвить незнакомец и с размаху сел на бревно.

Испугавшись, что он упадет, я кинулась поддержать его. Черноволосый благодарно вцепился в мою руку и поднял на меня мокрые ресницы. Его широко раскрытые карие глаза сияли такой радостью, что вся моя ярость улетучилась в тот же миг.

– Вы понимаете, что это означает? – спросил он, указывая на клеймо «Солле де Грей» украшающее мой клинок.

– Знак сильфского рода де Грей, чего же тут непонятного! – ответила я.

Все еще подрагивающей рукой незнакомец извлек из ножен свою великолепную рапиру и показал мне ее лезвие, где красовался точно такой же знак.

– Разрешите представиться, барон Генрих де Грей, последний из рода де Грей! – церемонно произнес черноволосый.

– Живой сильф! – растерянно прошептала я.

Генрих сидел на бревне и сиял улыбкой ярче новенькой золотой монеты. Видно было, что мой изумленный вид доставляет ему огромное удовольствие. А мне прямо так и хотелось заставить его подняться на ноги и обойти вокруг этого живого чуда. Настоящий сильф! Вот это да, гоблин меня раздери!

– Генрих, – не удержалась я, – да последнего сильфа видели гоблин знает сколько сотен лет назад!

– Совершенно верно! – ухмыльнулся сильф. – С тех пор мы прочно обосновались в Черных горах, а горы самое надежное хранилище для секретов!

– Ни в одной книге я не смогла найти хоть какого-нибудь намека на то, как выглядят сильфы.

– Мы нарочно запутали хронистов, – охотно пояснил барон, – но нас еще называют фавнами и сатирами...

– Фавнами, – задумчиво протянула я, – но ведь у фавнов есть копыта!

– Сударыня, – смех так и распирал сильфа, – я конечно согласен с вами, что все мужчины козлы! Но... но не до такой же степени! – и Генрих продемонстрировал мне стройную длинную ногу, обутую в элегантный сапог.

– Я также слышала, что у фавнов есть рога! – Я игриво подмигнула Генриху.

Барон сделал постное лицо:

– Как вы можете шутить такими вещами, Ульрика, ведь я еще не женат...

Не удержавшись, мы расхохотались на два голоса. У барона оказалось великолепное чувство юмора.

– Но, кажется, в одном летописи не ошибаются, – отсмеявшись, уже серьезно заявила я, – в них говорится об уродстве фавнов.

– Судите сами! – Генрих протянул руку и сдернул черную маску, закрывавшую его лицо.

Я жадно взглянула.

Может быть, хронисты вкладывали какой-то другой смысл в слово «уродство», или я не слишком разбиралась в мужской красоте, но лицо Генриха не произвело на меня отталкивающего впечатления. Когда-то нянюшка Мариза говорила, что мужчину можно считать красивым, если он чуть-чуть симпатичнее гоблина. Гравюр, изображающих гоблинов, в библиотеке замка Брен хранилось предостаточно, но мне бы и в голову не пришло сравнить лицо барона с их отталкивающими, угрюмыми мордами. Генрих обладал высоким лбом мыслителя и прекрасными бархатистыми карими глазами, окруженными густыми черными ресницами, которые не посрамили бы любую придворную красавицу. Безупречной формы алые губы под тонкой полоской ухоженных усов и тяжелый мужественный подбородок. Лишь средняя часть его лица, именно та, которую он закрывал черной маской, не соответствовала классическим канонам красоты, так часто воспеваемым в эльфийских балладах. Узкий, длинный, крючком загнутый нос и окружающие его глубокие извилистые борозды – что-то среднее между морщинами и шрамами, приносили в лицо Генриха ауру хищности и чуждости, непривычную человеческому взору. Да, без маски барон привлекал бы слишком много испуганных взглядов. Но я, увидевшая открытое лицо Генриха, всем сердцем ощутила то особое родство – родство прячущихся под масками изгоев, которое наполнило мою душу огромной симпатией к благородному сильфу, и, повинаясь безотчетному импульсу, я протянула руку и нежно, самыми кончиками пальцев погладила грубые рубцы. Генрих вздрогнул всем телом и, схватив мою ладонь, приник к ней горячим поцелуем.

Впервые в жизни почувствовав мужские губы на своей не защищенной перчаткой кисти, я сконфузилась и попыталась выдернуть пальцы из смуглой руки Генриха.

– Простите, я испугал вас, – печально сказал Генрих, выпуская мою руку и поспешно надевая маску.

– Нет! – горячо воскликнула я. Как могла я признаться ему, мужчине, с которым познакомилась всего лишь пару часов назад, что прикосновение его губ вызвало во мне ураган чувств, доселе неведомых. – Просто ваше лицо напомнило мне о том, что я сама вынуждена скрывать под своей маской... – И, наверно, такая горечь прозвучала в этих словах, что Генрих неожиданно протянул руку и в свою очередь погладил мое закрытое маской лицо.

Тем временем совсем стемнело. Мы оседлали пасшихся невдалеке лошадей и вернулись в город. Генрих предложил продолжить беседу за ужином на том самом постоялом дворе, где я сняла комнату и оставила Тима. Хозяин приветствовал нас на пороге чистенького зала, носящего название «Жареный карась» и наполненного аппетитными запахами жареной рыбы. Нам было предоставлено впечатляющее меню, а также подробный доклад о том, что мой оруженосец вполне уверенно спустился вниз, с завидным усердием выздоравливающего уничтожил ужин из четырех блюд и вернулся к себе в комнату. Генрих одобрил инициативу хозяина, велел выставить на стол все самое вкусное, что найдется на кухне, присокупив к этому кувшин хорошего вина. И когда хозяин со всех ног помчался выполнять пожелание благородных господ, подгоняемый несколькими серебряными монетами, выданными ему сильфом, Генрих усадил меня за неприметный угловой столик и принялся рассказывать такие удивительные вещи, что я на время позабыла свои мечты о тарелке с поджаристой рыбой.

– Я слишком много времени потратил на поиски Иглы, и поэтому безмерно рад, что случилось событие, на которое так трепетно надеялся в глубине души. Я нашел не только заветное оружие, но и женщину из проклятого рода, о которой говорится в нашем пророчестве!

– В каком это пророчестве? – подозрительно спросила я. Сумбурные события сегодняшнего дня пробудили у меня зверский аппетит, поэтому я плюнула на хорошие манеры и с энтузиазмом взялась за рыбу, испускающую умопомрачительные запахи. – Генрих, – неразборчиво прочавкала я, – только не говорите, что вам нужна моя помощь...

– Очень нужна! – тут же подтвердил барон.

Я незамедлительно подавилась рыбьей костью. А впрочем, философски отметила я, меня скорее удивил бы тот факт, если бы кому-то из встреченных по пути – вдруг не понадобилась моя помощь. Возможно, любому обывателю чрезвычайно понравилось бы чувствовать себя пупом вселенной по пять раз на дню, возможно, если бы это не надоедало так быстро. Поэтому я вытерла жирные руки и приступила к допросу:

– Генрих. – Я посмотрела прямо в бархатистые глаза сильфа, и он не отвел взгляда. – В последнее время моя прежде спокойная жизнь совершила такие непредсказуемые повороты, что я ощущаю себя слабой пешкой в чужой игре! Все смешалось в нелепую головоломку – мечи и пророчества, чудовища и боги... Вернее, – тут я совершенно беспомощно развела руками, – у меня появилось ощущение, что боги и чудовища каким-то непостижимым образом поменялись местами...

Внимательно наблюдающий за мной Генрих усмехнулся уголком алых губ. Именно в тот момент стало заметно, что напряжение, до этого держащее сильфа в своих цепких лапах, неожиданно покинуло его. Он взял кувшин с вином, понюхал узкое горлышко, приподнял черную бровь и, секунду посомневавшись, разлил вино по оловянным бокалам, услужливо предложенным нам взамен обычных глиняных кружек.

– Не знаю, насколько плохим окажется вкус этой кислятины, выдаваемой хозяином за эльфийское, но наверно это сейчас и не важно. Потому что, – тут он перегнулся через стол и понизил голос, – потому что твои последние слова заслуживают того, чтобы за них можно было выпить любую бурду, хоть незначительно более крепкую, чем обычная вода, – и Генрих впихнул в мою судорожно сжатую руку наполненный до краев бокал.

Еще не осознав до конца смысла его слов, я поднесла вино к губам. Но тут страшная, крамольная суть фразы дошла до моего воспаленного сознания, и я, благополучно расплескав так и не распробованное мной эльфийское, вскочила с места.

– Ты чего? – сдавленно прохрипела я. – Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

– Сядь, прошу тебя! – Генрих досадливо поморщился и потянул меня обратно за стол. – На нас уже обращают внимание!

Уже после того как я все-таки выпила вино, на самом деле оказавшееся совсем не таким гадким, как это предположил Генрих, я вспомнила загадочные вещи, высказанные совсем недавно полупьяной тетушкой Чумой, и, может быть, излишне эмоционально, но точно и коротко изложила барону свою необычную историю. Сильф внимал, затаив дыхание, не перебив меня ни разу и, кажется, даже особо не удивляясь. Лишь нервный жест, которым он непрерывно подкручивал свои тонкие усики, выдавал его волнение. После того как я умолкла, он некоторое время сидел молча, задумчиво барабанил пальцами по деревянной столешнице. К тому уже весьма позднему времени большая часть посетителей покинула обеденную залу «Жареного караса». Хозяин притушил свет ламп, и мы могли больше не опасаться, что наш странный разговор будет кем-то услышан. Как я заметила, Генрих не случайно выбрал самый дальний столик, поэтому теперь, когда мы остались почти одни, он снял маску, закрывавшую его лицо, и снова явил мне удивительное сочетание красоты и безобразия.

– Посмотри на меня, – неожиданно сказал он, и я невольно вздрогнула от интонаций, появившихся в его проникновенном голосе, – а ведь когда-то сильфы были так прекрасны, что даже сами эльфы испытывали жгучую зависть к нашей красоте...

– Так что же с вами случилось? Неужели ты тоскуешь по утраченной красоте? – удивилась я.

– Нет! – Генрих гордо вздернул подбородок. – Я скорблю лишь о страшной доле тех, на чью сторону мы встали в войне, проигранной много столетий назад. И о жестокости победителей, навечно наказавших нас клеймом уродства за наш выбор и наше нежелание покориться недостойным господам.

– За кого вы воевали, Генрих? – спросила я, уже не сомневаясь в ответе, который мне предстояло услышать.

– За Пресветлых богов, – ответ сильфа был полон горечи, – проигравших демонам-ученикам, посмевающим поднять руку на своих учителей. Демоны победили подлостью, отобрали у богов истинный облик и заточили их в Озере Безвременья. А теперь жестокостью и обманом лже-боги правят этим миром.

– А Игла?

– Только Игла может сокрушить власть лже-богов!

– В руках женщины из проклятого рода? – полуутвердительно-полувопросительно предположила я.

– Да! – подтвердил Генрих. – Именно об этом гласит пророчество на стенах Пещеры Безвременья, ставшей последним убежищем моего народа.

Тяжело вздохнув, я откинулась на стену за спиной и язвительно рассмеялась. Отправившись на выручку к брату, я вовсе не предполагала, что попутно мне придется совершить сущие мелочи – всего-то лишь победить зарвавшихся демонов и спасти мир...

Глава 5

Огонек свечи в руке Генриха выписывал замысловатые фигуры, пока мы поднимались по лестнице, ведущей на второй этаж. Ужин завершился замечательно. Наш тучный, краснолицый хозяин охотно присоединился к засидевшимся щедрым гостям. А после того как эльфийское закончилось, предложил нам продегустировать настойку, изготовленную по рецепту, передающемуся в их семье от отца к сыну уже на продолжении нескольких поколений. Отдающая чабрецом и мятой, настойка оказалась неожиданно коварной и на редкость забористой штукой. Почти не затрагивая мыслительных процессов, она паразитическим образом, намного более эффективным, чем подрезание сухожилий, снижала способность к самостоятельному передвижению. Проще говоря – валила с ног. Наиболее беспомощным в этом плане оказался барон, стойко не поддавшийся парам эльфийского, но бесславно капитулировавший перед гениальным творением нашего хозяина. Трактирщик, тоже порядком захмелевший, любезно предложил Генриху последнюю пустовавшую комнату для гостей на втором этаже своего славного заведения и даже распростер любезность настолько, что вызвался лично помочь мне транспортировать пунктирно передвигающегося барона в отведенные ему апартаменты. Мы уже поднялись на лестничную площадку, когда сильф громогласно заявил о своем желании познакомиться с Тимом. Даже не беря в расчет наши слабые протесты, он попросту завернул меня и гостеприимного хозяина (повиснув на наших плечах всей своей немалой массой) в сторону снимаемой мной комнаты и, распахнув дверь пинком ноги – картинно нарисовался в дверном проеме.

Экспозиция, представшая нашим глазам, впечатляла лирической пасторальностью. Освещаемый отблесками камина, Тим возлежал на кровати, эффектно вытянув поверх покрывала длиннющие ноги, и, перебирая струны моей гитары, что-то напевал негромким, но приятным голосом. За дни, прошедшие с момента извлечения со дна вонючего колодца, Тим заметно поздоровел и похорошел. Щеки его приятно округлились, и на них появился симпатичный румянец. Я немало похихикала в кулак, замечая, какие томные улыбки адресовали моему красавчику-оруженосцу две юые служанки, принимавшие нас по приезду в «Жареного карася». Увидев огромную фигуру Генриха, бесцеремонно ввалившегося в комнату, юноша отбросил жалобно тренькнувшую гитару и неуловимым движением выхватит из-за пояса острый кинжал. Трудно судить, какое впечатление производило на стороннего наблюдателя наше сильно подвыпившее трио, но Тим явно решил, что мы с трактирщиком стали жертвой свирепого громалы. Еще бы, ведь макушкой барон почти задевал за дверную притолоку. Одним прыжком оруженосец преодолел разделявшее нас расстояние и, приставив лезвие кинжала к горлу Генриха, храбро потребовал:

– Мерзкий разбойник, немедленно отпусти мою прекрасную госпожу и этого уважаемого человека!

Барон весело расхохотался и небрежным щелчком выбил кинжал из рук мальчишки:

– Клянусь честью моих предков, никогда еще не встречал такого смелого щенка... – Сильф на заплетающихся ногах доковылял до кровати и рухнул на жалобно заскрипевшую конструкцию. – Уверен, мальчишка далеко пойдет! – и Генрих дружелюбно подмигнул растерянному Тиму.

– Тим, – устало произнесла я, падая на вторую кровать, – это барон де Грей, благородный дворянин, а вовсе не мерзкий разбойник! А теперь помоги мне снять эти проклятые сапоги, – и я протянула ногу, рассчитывая на помощь юноши.

Генрих насмешливо прищурился и тоже протянул ногу в сторону Тима.

Мой оруженосец продолжал стоять у дверей комнаты, настороженно не выпуская из рук подобранного кинжала.

– Может быть, он и благородный дворянин, но, – тут Тим показал пальцем на черный плащ барона, небрежно сброшенный им на пол, – он носит знак безбожника!

Я заинтересованно протянула руку и, подняв плащ Генриха, действительно увидела на нем серебряный знак маски, не замеченный мной ранее. Точно такой же знак красовался на клинках рода де Грей.

– Ну, и что это может означать? – полюбопытствовала я.

– Знак безбожника, воевавшего против Пресветлых богов! – Тим обличающее ткнул кинжалом в сторону барона. – Сомневаюсь, чтобы такой человек заслуживал доверия!

– Какого доказательства происков лже-богов тебе еще нужно, Ульрика? – Генрих приподнялся на локте и саркастически рассмеялся. – Видишь, как жестоко наказан мой род и как глубоко укоренилась неправда в сознании людей! Мальчик, – он переключил свое внимание на Тима, – откуда ты знаешь о великой войне богов?

Оруженосец задумчиво почесал в затылке, вложил кинжал в ножны и уселся у меня в ногах. Я, конечно, была чрезвычайно признательна Тиму за ту заботу, что он проявил, печась о моем благополучии, но любопытство превыше всего, поэтому я довольно невежливо пихнула юношу, предлагая выложить все, что ему известно. Причем выложить как можно быстрее, потому что глаза насторожившегося Генриха выдавали охватившее его нетерпение.

Тим нерешительно помялся, но потом все же заговорил:

– Госпожа моя, я безмерно благодарен за спасение моей жалкой жизни, поэтому считаю своим долгом помогать вам во всех делах. Я никогда еще не рассказывал кому-либо о том, что хочу поведать сейчас, но думаю, что именно вы сумеете распорядиться этими знаниями лучше, чем кто-то другой. Два года назад, охотясь в лесу на кроликов, я нашел странное существо. Это оказался, конечно, человек, но человек удивительной наружности, высоченного роста, с черной кожей и красными вертикальными зрачками...

– Черный ингв! – Казалось, что выпученные глаза Генриха сейчас вылезут из орбит. Весь его хмель как рукой сняло. – Не молчи, мальчик, немедленно рассказывай, что произошло дальше!

Я совершенно не понимала, о чем идет речь, но Тима, похоже, очень обрадовала реакция барона, и он с энтузиазмом продолжил свое повествование:

– Я обнаружил, что этот человек чудовищно изранен и истекает кровью. Он находился в бессознательном состоянии, но при этом крепко сжимал пальцами полуотрубленной правой руки какой-то непонятный предмет. Я перевязал страдальца и, когда он пришел в себя, напоил водой из своей фяги. Но видно было, что уже никто и ничто не в силах помочь умирающему. Слабеющим голосом он поблагодарил меня, отдал мне вещь, которую до этого так крепко сжимал в руке, и попросил передать ее Оружейнице. А затем он умер, – Тим жалостно всхлипнул, – и я похоронил его в лесу. Вот эта штука. – С этими словами мальчик извлек из-за пазухи и показал нам необычную вещь. На раскрытой ладони Тима лежал округлый кулон с изображением перекрещенного меча и молнии. Судя по тонкой цепочке, прикрепленной к украшению, оно предназначалось для ношения на шее.

То, что произошло дальше, заставило меня сильно усомниться в умственном здравии Генриха. Он выхватил кулон из рук Тима, мгновение внимательно рассматривал его, а потом исполнил перед нами несколько па из неизвестного мне танца, сопроводив их радостными воплями.

– Генрих, что с тобой? – только и смогла изумленно вымолвить я.

– Ха, – Генрих наконец-то успокоился и вернулся на свое место, – видно, мальчишка родился под счастливой звездой! Ему невероятно повезло, он встретил в лесу последнего ингва – Хранителя равновесия, и тот передал ему Ключ оружейницы. Ингв понимал, что умирает, иначе он никогда не отдал бы такую бесценную вещь в руки обычного смертного.

И барон уставился на меня с таким видом, будто только что донес до меня откровение богов.

Я недоуменно хмыкнула:

– Генрих, я не могу разделить твоих восторгов, потому что совершенно не понимаю – о чем идет речь.

– И я, – поддакнул Тим.

Генрих закатил глаза, возмущаясь нашей неосведомленностью, но потом успокоился и пустился в подробнейшие объяснения:

– Когда-то давно миром управляли Пресветлые боги. Они правили мудро и справедливо, и в мире царили процветание и благоденствие. Богов было четверо – Великая богиня и три ее младших брата. Но по прошествии некоторого времени боги поняли, что даже им не под силу справиться с такой массой дел, и они решили взять себе учеников. Они выбрали для этой цели молодую демоницу Ринецею и троих ее младших братьев. Ринецея оказалась способной ученицей. Слишком способной. А Великая богиня ошибочно предполагала, что служение Свету изменит сущность демонов-учеников. И вот однажды Ринецея возмечтала занять место своей учительницы. У коварной демоницы не хватило сил убить Пресветлых богов, она лишь смогла погрузить их в глубокий сон, отобрать истинный облик и, заточив их в хрустальные саркофаги, навечно опустить на дно колдовского Озера Безвременья. Армия защитников Пресветлых богов, среди которых были и сильфы, проиграла решающую битву, не сумев выстоять против полчищ демонов. Но в мире существовало равновесие добра и зла, превозмочь которое не могла даже Ринецея. Новые лже-боги приняли облик погубленных ими Пресветлых богов и, поселившись в Обители затерянных душ, питаясь силой регулярно убиваемых людей – начали править миром. Двенадцать ингвов – Хранителей равновесия, стояли у врат Обители, оберегая мир от губительного колдовства демоницы. Шесть из них, дети смертных людей и великих демонов – были Черными ингвами, а шесть других – дети людей и духов света – Белыми. И пока эта стража не давала злу выйти за пределы Обители, в мире царило равновесие. Но коварная Ринецея нашла способ стравить своих тюремщиков, и все ингвы погибли в междоусобной схватке. Последний смертельно раненый ингв сумел сбежать, унеся с собой священную реликвию – Ключ Оружейницы. Про Оружейницу в наших легендах сказано очень мало. Мы почти не знаем, что это за существо. Знаем только, что он, она или оно – является воплощением сущности мирового Противостояния между силами добра и зла, и именно Оружейница может исправить все зло, нанесенное миру чарами Ринецеи. Возьми это. – Генрих повесил Ключ мне на шею. – Уж если, согласно предсказанию, ты должна помочь Пресветлым богам, то думаю, что и с Оружейницей тебе доведется встретиться.

Тим, обалдело приоткрыв рот, с восхищением тарашился на Генриха. Барон обвел взглядом скромную комнату, словно возвращаясь в реальность из мира снов и миражей. Непритязательная обстановка гостиничного номера никак не вязалась с волшебной историей, только что рассказанной сильфом, и, пжалуй, если бы не очевидные факты, с которыми мне довелось столкнуться лицом к лицу, я никогда бы не поверила во все эти байки о богах и демонах. Но очарование легенды не хотело покидать нас так быстро. Генрих чувствовал это. Со слабой улыбкой, которая подобно последнему лучу солнца трепетала на его губах, он поднял мою верную гитару, так неосторожно отброшенную Тимом.

– Я слышал, что эльфы с Поющего острова славятся своими песнями! Так ли это, дочь эльфийки? – В голосе барона ясно прозвучал вызов.

Я взяла протянутую гитару, вспомнила губы Генриха на своей руке, и, повинувшись тихому зову души, – запела, словно кто-то неведомый нашептывал мне слова новой баллады:

Всегда со мною рядом он
Мой самый злейший враг,
Хоть светит день со всех сторон,
Хоть ночь сгущает мрак.

Я спать спокойно не могу,
Чтоб не попасть в полон
К тому заклятому врагу,
Что бдит со всех сторон.

Мы на тончайшем рубеже
Стоим, подняв щиты,
Я, как и ты, – настороже,
Как я на взводе – ты.

И оба мы поверх клинков
Скрестили уж не раз
Угрозу крепких кулаков
И блеск зеленых глаз.

Не раз твердила я врагу:
«Покинь мои края!»
Он отвечал: «Не убегу!
Ты навсегда моя!»

Похожи мы, как близнецы,
Хоть вслух о том кричи,
И, видно, братья-кузнецы
Ковали нам мечи.

Но если делаю я шаг
И принимаю бой,
Зеркально мой заклятый враг
Встает передо мной.

Так повторяет жест и взор,
Что, если нас сличить,
И мать не сможет на позор
Нас как-то различить.

А если мышцу я врагу
В бою разрежу вдоль,
То крик сдержать я не смогу, —
Я испытаю боль.

Не раз с ухмылкой на устах,
В огне зеркальных брызг,
Врага я повергала в прах
И разбивала вдрызг.

Воскреснув из небытия
И в раз очередной,
Бессильно замечала я,
Что враг – передо мной.

И твердо знаю я теперь —
Из многих наших драк, —
Что мой противник – он не зверь,
Моя любовь – мой враг.

Сто раз готова я пустить
Врагу из сердца кровь,
Но бог не хочет допустить
Убить мою любовь.

И так стоять нам много лет,
Клинки скрестивши вновь,
Но я хочу найти ответ —
Как мне убить любовь!

В неожиданно наступившей тишине Генрих рывком сдернул маску, закрывавшую мое ужасное лицо. Его взор нежно погрузился в пучину моих зеленых глаз.

– Ты прекрасна! – еле слышно шепнул он, затем отбросил свою черную маску и очень медленно потянулся губами к моим губам...

Громкий звук упавшего тела заставил нас сконфужено отпрянуть друг от друга. Это грохнулся в обморок Тим, увидевший наши открытые лица.

Глава 6

Я проснулась посреди ночи вся в поту, пытаюсь унять бешено колотившееся сердце. Возможно, я и была бы склонна приписать свое состояние действию убойной настойки, которой потчевал нас с бароном наш гостеприимный хозяин, если бы не странные сны, четкое воспоминание о которых не исчезло даже при моем внезапном пробуждении. Голова гудела неимоверно. Придерживая ее рукой и страдальчески побряхтывая, я с трудом перевела себя в сидячее положение. Ох, не зря внушала мне нянюшка Мариза, что жрать, а тем более свински напиваться на ночь – является весьма вредной для здоровья привычкой. Правда, сентенции о здоровом образе жизни предназначались в основном моим названным братьям, которые к четырнадцати годам научились виртуозно подбирать отмычки к внушительному замку, охранявшему двери винного погреба графа де Брен. Одна только ловкость рук и никакого мошенничества – хвастливо поговаривали братцы и злорадно ухмылялись, видя, как при очередном докладе мажордом недоуменно разводит руками, пытаюсь объяснить батюшке-графу загадочную пропажу нескольких бутылок выдержанного эльфийского. И справедливо, что пристрастие к дорогим винам вскоре обернулось против несовершеннолетних дегустаторов, потому что через пару лет пагубная привычка окрасила носы братьев в предательский красный цвет, явив всем обитателям замка очевидную разгадку загадочных винных исчезновений. Разгневанный граф принял самые крутые меры. «Ибо, – как выразился он, соизволив произнести речь, непривычно длинную для его обычного немногословия, – ничто так не ослабляет бойца, как пристрастие к вину, азартным играм и женщинам». Я тоже приняла к сведению мудрое замечание опытного вояки, мысленно вычеркнув из него последний пункт.

Но все-таки не обильные вечерние возлияния стали причиной жуткой боли, терзавшей мою многострадальную голову. Я окинула взглядом полумрак комнаты, скудно освещенной единственной свечой, которую я забыла затушить перед тем, как погрузилась в свой невероятный сон. Судя по изрядному огарку, остававшемуся в подсвечнике, – спать мне пришлось не более двух часов. У противоположной стены виднелись очертания Тима, который, укрывшись с головой, спокойно почивал тихим сном здорового и умиротворенного человека. Мои робкие шебуршания его не тревожили. Я привалилась спиной к изголовью хлипкой гостиничной кровати и устремила задумчивый взгляд к звездам, обильно обсыпавшим ночное небо, подобно богатым залежам перхоти, постоянно украшавшим черный бархат мантии мэтра Кваруса. Воспоминания о покинутом мною замке, который на протяжении многих лет был для меня отчим домом, не вызвали ничего даже приблизительно похожего на умиление. Слишком уж далекой и беззаботной казалась мне теперь та, оставленная за его стенами жизнь на фоне всех нынешних событий. Скорее всего, мне еще придется пожалеть о том, что я так поспешно приняла решение и отбросила прочь прошлую, спокойную жизнь. Но можно ли назвать необдуманным и скоропалительным мой выбор, если речь идет о спасении близких людей? А может быть, я просто начиталась эльфийских книг, в которых на каждой странице говорилось о великих подвигах и вечной любви. Вот меня и потянуло на подвиги, возомнила себя спасительницей королевства. А кто я есть на самом деле? Обычная семнадцатилетняя девчонка, может, и умеющая махать мечом чуть-чуть лучше некоторых, но не имеющая никакой поддержки, кроме барона-изгоя да мальчишки-подростка. Смогу ли я что-то сделать, чего-то добиться? Да и могу ли я позволить себе втягивать Тима и Генриха в задуманную мною авантюру? В жизни всегда есть место подвигу – любил изрекать старый Гийом, вручая мне полтора десятка ржавых кольчуг, которые требовалось немедленно почистить. Интересно, каким словом охарактеризовал бы он уже совершенные мной сумасбродства? И те, которые мне еще предстояло совершить...

А совершить придется многое. Да и выбора особого у меня уже не оставалось. Сон, из цепких объятий которого я вырвалась всего лишь несколько мгновений назад, наглядно показал, что времени на раздумья у меня нет. Теперь просто нужно немедленно вскочить на Беса и скакать, подгоняя себя мыслью, бьющейся в голове грозным призывом колокольного набата, – только бы не опоздать, только бы успеть! Не знаю, кто – желающий мне добра или зла – наслал на меня сегодняшние сновидения, но, вне всякого сомнения, сновидения эти оказались не случайными. Я видела словно воочию темное и грязное подземелье с охапками гнилой соломы вместо мебели, а на них – юношу с зелеными миндалевидными глазами и рыжими локонами ниже плеч. Юношу с уродливым лицом – моим лицом, искаженным гримасой боли. Юношу, мечущегося в лихорадке и твердящего в бреду мое имя. Я видела своего несчастного брата, больного и измученного, жестокой рукой брошенного умирать в подземелье того самого замка, где по праву рождения он должен был сидеть на королевском троне. А рядом с ним худое, почти прозрачное от истощения лицо старого мудрого эльфа, в глазах которого все же светились неслгибаемая воля и надежда на спасение. И с мучительной жалостью и ужасом я поняла, что старик уже долгое время отказывается от своей порции и без того скудного тюремного пайка, чтобы только хоть как-то поддержать угасающие силы юного принца. Возможно, что последние капли своей жизненной энергии эльф тратит на волшебство, творимое на благо своего воспитанника, лишая себя возможности выжить. Но в одной руке старый маг сжимает безвольную кисть Ульриха, вливая в него остатки своей жизни, а в другой – крупный удлинненный изумруд, являющийся точной копией того камня, который я с самого рождения ношу на шее. И пересохшие губы кудесника безостановочно твердят превратившийся в молитву призыв – приди, приди, Ульрика!

Я видела обмелевшие реки, мертвый скот, лежащий на засохших пастбищах, сожженные дома и людей, падающих подобно снопам, скошенным серпом беспощадного жнеца. Убитых воинов, еще сжимающих в бессильных руках бесполезное оружие, замученных матерей, в последнем порыве еще прижимающих к опустевшей груди иссохшие трупы младенцев. Саму Смерть, рыдающую от безбожности того, что ее заставили содеять. А выше всего этого, в небе цвета свернувшейся крови, два реющих над землей лица, плоских и белых, словно блин, не имеющих ни глаз, ни рта, но утробно хохочущих, пресытившихся творимыми злодействами.

И потом – целый сонм обрывочных и неясных видений. Мальчика, в котором можно было опознать нынешнего Генриха, сражающегося с тысячами ужасных крылатых тварей, четыре хрустальных гроба, скрытых в толще озерной воды, поразительной чистоты и прозрачности женскую фигуру в белых одеждах в одном из гробов. Золотой венец не челе женщины и окровавленные мышцы лица, лишенные кожного покрова. Невероятно древнего, но удивительно величественного обликом мужчину, по пояс вросшего в камень, и при этом все равно живущего и разговаривающего. Огромного прекрасного дракона, парящего под облаками и забавно переругивающегося с белокурой пухленькой девушкой, безбоязненно восседающей на спине гиганта. Тетушку Чуму в компании двух женщин еще более кошмарной наружности и здорового черного демона, распеваящих похабные песенки за столом, заставленным пустыми пивными кружками. Мраморную статую полуженщины-полузмеи, держащую меч в каждой из шести рук...

Лишь мучительным усилием воли мне удалось вырвать себя из калейдоскопа видений. Таких четких, таких реальных и поэтому – напугавших меня до дрожи. С детства меня приучали возносить молитвы Пресветлым богам, испрашивая у них помощи и одобрения. Теперь же я слишком хорошо знала – кому мы молились на самом деле. И каждая новая молитва становилась невольным злом, очередным кирпичиком в безобразной башне лжи и порока, с высоты которой взирали на нас коварные демоны. Жгучее возмущение волной поднялось в моей душе, принуждая меня приложить все силы к тому, чтобы, вытащив малень-

кий кирпичик из основания чудовищного сооружения, хоть немного нарушить преступную устойчивость всей конструкции. Но пока я даже представить себе не могла, что необходимо сделать для того, чтобы изменить порядок, установленный богами-узурпаторами.

На столе нашлись бумага, перо и чернила. Я написала короткую записку, адресованную барону и Тиму, содержащую просьбу простить мне мой поспешный отъезд, честно говоря – более напоминающий бегство. Но поступить по-другому я не могла. Я должна была отправиться туда, куда так властно призывали меня душа и разум. Оставляя почти все свои наличные средства Тиму, я умоляла его двигаться в сторону Нарроны так быстро, как только позволят обстоятельства и здоровье. Генриху же я обещала, что обязательно возьмусь за выполнение приписываемой мне миссии, но только после спасения умирающего брата. Все это я торопливо корябала, сжимая в ладони свой изумрудный кулон, словно живое существо пульсирующий на моей шее и посылающий, послушно подчиняясь воле направляющего его эльфийского мага, повелительный призыв – приди же, Ульрика! Придавив записку мешочком с золотыми монетами, я собрала нехитрые вещички и, по своей, видимо, уже ставшей привычной манере, – вылезла в окно. Тихонько прокралась на конюшню, отвязала сонного, недовольно всхрапывающего Беса, заседлала его и вскочила в седло. Да простят меня мои недавно обретенные, единственные друзья, но время и собственные предчувствия подгоняли сильнее ударов кнута. Подковы Беса выбивали гулкую дробь по добротным каменным плитам, которыми была вымощена дорога, ведущая в сторону столицы. Никто, кроме нас, не нарушал ночной тишины, благоразумно придерживаясь неписаного закона: война войной, а сон – по расписанию. Резкий порыв ветра взъерошил гриву Беса. Где-то совсем рядом оглушительно громыхнуло, и небо над кромкой леса прорезала внушительная фиолетовая молния. Собиралась гроза. Но я лишь упрямо сжала губы и надвинула на глаза свою выдавшую лучшие времена шляпу. «Сто голодных гоблинов мне навстречу, – пронеслась в голове насмешливая мысль, – похоже, даже силы природы решили выступить против меня!» Холодные струи дождя упали на землю наподобие острых копий, неотвратимо пронзающих неосторожную жертву. Только от этих копий не спрятаться, не уклониться. Бес негодуя ржал, от всей своей лошадиной души призывая проклятия на мою неразумную голову, но я снова дала ему шенкелей, посылая вперед, в непроглядную пелену дождя. Сложив пальцы в незамысловатую, но обидную фигуру, я презрительно показала ее враждебной стихии, словно соревнуясь в оскорблениях с непрерывными, хлесткими ударами молний. И тут же радостно расхохоталась, увидев вдалеке огромную яркую арку радуги, символизирующей окончание грозы, сквозь которую нам вскоре предстояло проехать.

Часть вторая

Глава 1

С потолка пещеры капало. Генрих уже несколько раз переносил легкий столик с пергаментом и чернильницей, но все равно, как бы он ни старался, один из сталактитов, во множестве украшавших потолок пещеры, оказывался именно над его прописью. Буквально секунду назад огромная капля воды угодила точно на руну «ар», которую Генрих старательно выводил несколько минут, высунув от усердия кончик языка. Мальчик расстроено посмотрел на лист, пестро усеянный чернильными разводами. Упражнение по старо-эльфийскому, заданное ему Учителем, оказалось испорченным напрочь. Мерзкая, непонятная грамматика никак не желала откладываться в голове. Тем более в таких условиях, когда каждая тетрадь рано или поздно превращалась в собрание бесформенных мокрых пятен. Собрав в кулак всю свою волю и отбросив мечты об увлекательном поединке на рапирах, обещанном ему Боргом, самым опытным фехтовальщиком пещерного гарнизона, Генрих битый час трудился над сложной прописью. Он старался угодить строгому и придирчивому Учителю, постоянно внушавшему мальчику, что последний отпрыск царствующего рода непременно должен вырасти не только искусным воином, но и всесторонне развитым сильфом. Но почему-то юный Генрих совсем не ощущал важности титула последнего из рода де Грей, когда с гиканьем носился по извилистым переходам пещеры в компании своих менее родовитых сверстников. И всегда рядом с ним был Гург, сын одного из батюшкиных пехотинцев, что, однако, вовсе не помешало ему стать самым закадычным другом малолетнего барона. Мальчик уже несколько раз заглядывал в закуток, где мучался Генрих, и делал ему беззвучные, но очень выразительные жесты, предлагая послать всю проклятую эльфийскую грамоту в самое грязное место самого грязного гоблина. В ответ на это Генрих только вздыхал, отрицательно качал головой и продолжал утруждать свои изрядно испачканные чернилами пальцы. Несмотря на всю занудливость Учителя, какая-то часть подсознания мальчика подсказывала ему, что старик прав. Да и желание оказаться достойным великой славы покойного отца подстегивало намного сильнее, чем самые строгие внушения. Эх, если бы только письменные занятия можно было перенести в какое-нибудь другое место, находящееся за пределами пещеры... Долгая жизнь под прохладными влажными сводами уже приучила Генриха не обращать внимания на постоянную сырость одежды и постели, но не смогла научить его приемлемому способу заполнения прописей. Солнечный свет постепенно превращался во что-то сказочное и забытое, потому как любые вылазки из пещеры теперь старались проводить только в ночное, относительно безопасное время суток. Конечно, проклятые твари, лучше надсмотрщиков сторожившие вход в пещеру, прекрасно видели и в темноте, но сумрак все же давал какой-то шанс ускользнуть от их бдительного ока. Днем же горгульи Ринецеи тучами кружили над входом, ведущим в последнее убежище сильфов.

Жестокая демоница дала обещание не успокаиваться до тех пор, пока окончательно не истребит остатки непокорного народа. Жалкой горстке некогда многочисленного и могущественного племени сильфов, осмелившегося поддержать свергнутого богов и выступившего в Великой войне против семьи Ринецеи, пришлось искать приют в горной долине, скрывая от всех свое поражение и последовавшее за ним наказание. Проклятие лже-богини, захватившей власть, превратило в уродливые морды лица ближайших родственников эльфов. А ведь раньше они были настолько прекрасными, что самые прославленные прелестницы с Поющего острова теряли все свое очарование в присутствии какой-нибудь простушки-сильфиды из забытой богами деревни. Хитрые эльфы замкнулись на недоступном острове, окружив его

непроходимым барьером магии, и отказались принять чью-либо сторону, в то время как весь остальной мир оказался охвачен огнем жестокой борьбы за власть. А ныне колдунья-демонница лишь бессильно кусала губы, направляя на Поющий остров всю мощь черного волшебства, пока успешно отражаемого эльфийскими магами. Сильфы же с тех пор стали носить маски, скрывающие от любопытных глаз их изуродованные лица. Но гордый и смелый народ упорно не желал подчиниться тирании Ринецеи. В самом центре долины сильфов находилась Гора Смерти, в недрах которой, заточенные в хрустальные саркофаги и погруженные в воды волшебного Озера Безвременья, спали поверженные Пресветлые боги – убить которых не хватало умения даже у самой великой демонницы. Ринецея копила силы, собирая по всей стране древние книги, способные увеличить ее магические способности. Она вынашивала планы окончательного уничтожения богов, подозревая, что рано или поздно они неизбежно восстанут из своей подводной усыпальницы. В противовес замыслам демонницы, выжившие сильфы поклялись не щадя жизни защищать Пресветлую богиню Аолу и ее братьев, укрытых на дне озера.

Боги-узурпаторы ужесточили преследование, насылая на долину сильфов тысячи кровожадных демонов, оживших мертвецов, питающихся человеческим мясом, и гигантских крылатых горгулий, совершающих опустошительные налеты на дома и пастбища. Чудовищные красноглазые твари, по размерам мало уступающие легендарным драконам, с чешуйчатой шкурой – легко потивостоящей ударам копий и стрел, – изрыгали струи всепоглощающего огня и наносили невосполнимый урон малочисленным гарнизонам сильфов. Десант из оживших мертвецов и мелких демонов довершал начатое горгульями, пожирая раненых. А страшнее всего оказалось то, что магия Ринецеи частично оживляла павших защитников долины, заставляя их поворачивать оружие в сторону бывших друзей и родственников. С ужасом увидели сильфы лучших воинов своего народа, шатающихся, в лохмотья гниющей плоти, с глазами, горящими холодным синим пламенем, поднятых из мрака могил. Всего лишь накануне их опустили в землю под рыдания и стенания жен и детей, а сегодня они выступили против всего, за что так героически отдали души и жизни. Сильфы дрогнули и отступили к Горе Смерти. Забаррикадовавшись в Пещере Безвременья, ставшей их последним оплотом и убежищем, они денно и ночно несли дежурство у входа, отражая непрекращающиеся атаки врага. Мужественный народ осознавал всю безнадежность своей борьбы, потому что полчища противника казались неистощимыми, а количество защитников пещеры таяло с каждым боем. Но все же сильфы не собирались сдаваться. Генриху было всего два года от роду, когда в последней, большой битве, вынудившей сильфов уйти под землю, погибли его отец и мать. Так мальчик унаследовал титул барона де Грей, последнего властителя славного рода, произошедшего от легендарного короля Грея, возглавлявшего сильфские войска в период Великой войны.

Мысли обо всем этом вихрем промелькнули в голове сторбленного седобородого сильфа, перешагнувшего порог маленькой пещерки в тот самый момент, когда Генрих немного смущенно рассматривал испорченную пропись. Несмотря на преклонные годы, старик сохранил юношескую легкость походки, поэтому он смог незаметно подойти к мальчику и заглянуть под руку нерадивого ученика.

– Вижу, мой мальчик, – насмешливо произнес старик, опуская на вихрастую макушку Генриха свою морщинистую заскорузлую ладонь, – что старозельфийский по-прежнему остается для тебя тайной за семью печатями.

– Это все капли, – буркнул малолетний барон, старательно отводя взгляд.

– Я нахожу ошибки здесь, и здесь, и вот здесь... – Палец Учителя скользил по уцелевшим фрагментам прописи, беспощадно отмечая все промахи Генриха. – Кажется, вода пошла скорее на пользу, чем во вред твоему заданию, позволив скрыть еще некоторые из

них. – В голосе Учителя ясно прозвучали лукавые нотки, и Генрих удивленно поднял глаза. Обычно Учитель не любил шутить. Наверно, сегодняшний день был каким-то особенным, заставившим радостно улыбаться даже такого закоренелого ворчуна.

– У нас сегодня праздник или еще что-то столь же значительное? – высказал свое предположение мальчик.

– Да, да. – Учитель кивнул, довольно поглаживая седую бороду. – Тебе, воспитанник, не откажешь в проникательности. Сегодня воистину замечательный, даже великий день. Горгульи сняли наблюдение и покинули окрестности пещеры. Ушли...

– Как, ушли все до одной? – изумленно перебил Генрих.

– Все!

Никогда еще до этого дня мальчик не видел улыбки на лице своего Учителя.

– Похоже, что Ринецее надоело тратить силы попусту, контролируя всю прорву нечисти, сторожащей пещеру. Впервые за восемь лет мы можем вздохнуть облегченно и выйти на поверхность, полюбоваться светом солнца, испить глоток свежего воздуха. Я очень рад, что ошибался в своих предположениях, доказывая оптимистам из Совета готовность демоницы держать осаду пещеры до последнего живого сильфа. Некоторые маги в Совете утверждали, что Ринецее все это вскоре надоеет, и она оставит нас в покое. Так оно и случилось. Очень рад, что ошибся в своих мрачных прогнозах. Большая часть наших уже вышла из пещеры. Дети так просто ошалели от счастья. Пойдем и мы...

Генрих с некоторым удивлением отложил многострадальную пропись и привычно прицепил к поясу маленький меч, приготовившись следовать за Учителем. В пещере все, даже малые дети, всегда имели при себе оружие и умели неплохо с ним обращаться. В коридоре их встретил приплясывавший от нетерпения Гург.

– Ты слышал? – возбужденно затараторил он, хватая друга за руку.

– Слышал! – Генрих почему-то не торопился разделить радость приятеля. На душе у него кошки скребли от предчувствия какой-то неопределенной опасности.

Проходя через лабиринт пещерных коридоров, Генрих отмечал почти полное отсутствие сильфов, до этого сновавших по ним в любое время суток. Кто-то второпях уронил стойку для алебард, и оружие в беспорядке валялось на каменном полу. И более того, вихрем промчавшаяся по коридорам толпа умудрилась затушить большую часть факелов, еще утром безупречно освещавших высокие своды пещеры. Лицо мальчика помрачнело. Кажется, сегодня даже самые опытные и закаленные в боях воины забыли об осторожности. Выход из пещеры приближался. Гург все прибавлял и прибавлял шагу и еще более нетерпеливо тянул за руку своего задумчивого друга. Пару раз за это время Генрих подмечал небольшие морщины, перерезавшие нахмуренный лоб Учителя, и прекрасно осознавал, что тот разделяет его опасения. А увидев брошенный пост и снятую магическую защиту при входе в пещеру, оба они не сдержали непроизвольно вырвавшегося возгласа возмущения. Мальчик остановился у каменной арки и прислушался. С поверхности доносились громкие крики радости, беззаботный смех, перемежавшийся отрывками песен и звуками музыки. Генрих видел караульных, которые побросали оружие и с самым довольным видом растянулись на зеленой траве. Невдалеке кружился хоровод женщин и детей, уже успевших украсить венками из свежесорванных цветов. Но больше всего его напугала большая группа сильфов, которые с корзинами в руках бежали вниз по склону горы, направляясь к ближайшему лесу и все больше удаляясь от спасительной пещеры. Генрих недоумевал, размышляя над тем, каким образом народ, столько времени отражавший ежедневные атаки жестоких врагов, мог так беспечно и так быстро забыть о многолетней угрозе, нависавшей над ним подобно неотвратимому удару падающего лезвия.

Внезапно внимание мальчика привлекло огромное темное облако, появившееся на небе. «Ураган?» – растерянно подумал Генрих. Но облако приближалось с невероятной ско-

ростью, мгновенно, от края до края, затянув непроглядной черной полосой всю видимую линию горизонта. Сначала Генрих напрягал зрение, пытаясь разглядеть природу этого странного явления, но еще через пару секунд стало заметно, что облако состоит из множества черных точек, несущихся к пещере со скученностью и организованностью пчелиного роя. Только рой этот по количеству пчел превосходил все мыслимые и немыслимые размеры, и мальчик, к своему величайшему ужасу, понял, что каждой пчелой этого гигантского роя была огромная черная горгулья, на спине которой восседали зубастые демоны или ожившие мертвецы, вооруженные острыми мечами. И сонм этих воинов не поддавался исчислению. Гург, до сих пор находившийся рядом с другом, пискнул испуганным зайцем и вцепился в руку Генриха. Учитель разом сник и тяжело навалился на свой магический посох.

– Это конец! – обреченно прошептал он.

Генрих наконец-то обрел дар речи.

– Назад! – изо всех сил закричал он, срывая голос. – Все назад, бегите обратно в пещеру! Это ловушка!

Впоследствии, несмотря на мучительные усилия памяти, Генрих так и не смог восстановить целостной картины событий, произошедших в то злополучное утро. Возникший провал в памяти оберегал сознание мальчика от страшного мрака помешательства. Так срабатывает предохранитель, надежно разделяя жизнь на два не пересекающихся этапа – до и после. Или, может быть, детский мозг барона просто не смог понять масштабности произошедшего кошмара, погубившего его несчастный народ. А ведь именно такие драмы, случившиеся в раннем детстве, и формируют всю дальнейшую судьбу человека. Участь каждого из нас predetermined свыше. Трус рождается трусом, предатель рождается предателем, герой рождается героем. Процессы, управляющие развитием души, – не поняты до сих пор. Разум любого человека состоит из частиц, в равной степени принадлежащих добру и злу. Какие-то странные силы извне влияют на эти частицы, заставляя их взаимодействовать между собой. Это взаимодействие называют путем, по которому мы следуем в течение всей жизни. И важно не ошибиться, правильно определив событие, послужившее отправной точкой нашего жизненного пути, пути судьбы.

В решающий момент приближающейся опасности все многочисленные поколения Генриха неожиданно ожили, воплотившись в хрупком теле ребенка. Воскрес бессмертный дух великих рыцарей и героев, поклявшихся служить своему народу. Воскресли преданность свергнутым богам, честь и благородство, намного превосходящие страх смерти. Воскресли – вдохнув непостижимую силу в мышцы мальчика и одарив его мудростью, не свойственной столь юному возрасту. Вероятно, сам легендарный прародитель, древний король Грей, правивший сильфами в такие давние годы, что даже маги Великого круга – и те затруднялись в описании того самими сильфами позабытого периода их истории, – возродился в это ужасное утро, придя на помощь остаткам своего племени. И, наверное, именно это слияние душ стало тем путем судьбы, что так властно призывал Генриха к исполнению своего долга. Долга последнего правителя в многовековой череде Повелителей из рода де Грей.

Время замедлилось, обволакивая Генриха прозрачным коконом, делающим все движения окружающих его существ медленными и размыто-тягучими, подобно каплям воды в клепсидре, а его собственные мысли и жесты – резкими и точными. Одним поворотом руки Генрих смахнул повисшего на нем, пронзительно визжащего от ужаса Гурда и, глядя прямо в застывшие глаза остолбеневшего в шоке мальчишки, приказал, громко и четко выговаривая слова:

– Беги вниз, в пещеру Совета, поднимай всех бездельничающих там магов и тащи их сюда. Пусть срочно восстановят магическую защиту!

Но Гург продолжал обморочно пялиться на него все с тем же бессмысленным выражением. Тогда Повелитель коротко злобно размахнулся и беспощадно ударил друга по лицу, до крови рассекая кожу щеки ребром тяжелой перчатки. Гург мотнул головой, слизнул соленые капли, стекающие на губы, и, словно пробудившись от странного забытья, отсалютовал своему барону уважительным кивком. Затем он развернулся и скорой рысью помчался исполнять полученный приказ. После этого Генрих, не мешкая, повернулся к Учителю. Старик монотонно покачивался, бормоча себе под нос какие-то слова, не в силах отвести взгляда от того, что происходило на поляне перед пещерой.

– Учитель, – в данном случае мальчик все же не решился поступить так, как он обошелся с испуганным Гургом, – при вас ваш магический посох, сделай те же хоть что-нибудь до тех пор, пока на помощь нам не подспеет весь Совет!

Старый маг вперил безумный взор в руководившего им ребенка. Но, видимо, так велика была сила, завладевшая в этот миг Генрихом, так ярок неистовый огонь, пылающий в его глазах, что Учитель вздрогнул всем телом, впитывая волны энергии, исходящие от Повелителя, и вскинул руки с посохом, призывая подвластные ему чары. Налетевший порыв ветра взметнул вверх седые пряди длинных волос, из магического посоха вырвался столб ослепительного зеленого пламени, превративший в пепел первые ряды врагов, успевших подлететь почти к самому входу пещеры.

Стая горгулий ответила криками ярости. Генрих ни на минуту не закрывал глаз, в отличие от Учителя, который понял, что его сил не хватит для того, чтобы остановить неумолимо надвигающуюся вражескую лавину, – и поэтому мальчик видел все последовавшее за первым ударом старого мага. Став свидетелями гибели своих товарок, горгульи не испугались. Или, может быть, незримая власть, управлявшая ограниченным разумом этих тварей, не предусматривала для этих исполнителей своей воли хоть какого-то чувства, даже отдаленно похожего на страх. Слаженность действий горгулий не уступала по эффективности атаке вымуштрованных королевских войск. Два десятка чудовищ, первыми достигших поляны перед входом в пещеру, одновременно выпустили струи огня, накрывшие испуганных сильфов, пытавшихся найти укрытие в ближайшем лесу. Мальчик застонал и сжал кулаки, бессильно наблюдая за тем, как его соплеменники бестолково мечутся в кольце охватившего их пламени. На поляне, еще совсем недавно слышавшей радостные песни, звучали вопли людей, умирающих долгой и мучительной смертью.

Демонический рой опустился на выжженную, засыпанную пеплом поляну, закрыв ее полностью. Всадники горгулий спешили и выстраивались в колонны, готовясь к последнему штурму, должному навсегда покончить с несговорчивым народом. Нерадивые стражники пещеры, так беспечно забывшие о вмененных им обязанностях, собрались вокруг Генриха, готовясь дорого продать свои жизни. В этот миг барон услышал за спиной россыпь торопливых шагов, эхом отдающихся под каменными сводами. Гург, запыхавшийся от быстрого бега, с трудом перевел тяжелое дыхание:

– Они идут, сейчас уж будут здесь!

Но Генрих и сам уже различал приближающееся ритуальное пение. Не теряя времени даром, подоспевшие на помощь маги на ходу творили заклинания. Даже в таких неравных условиях последняя битва обещала стать жестокой и кровавой. Одиннадцать магов, противостоящих демонам и живым мертвецам, представляли значительную угрозу силам лжебогини. Волшебники сдвинули хрустальные набалдашники магических жезлов, и волны холодного зеленого пламени залили все вокруг, заставив Генриха прищуриться от наворачившихся на глаза слез. Несколько минут ничего не было слышно, кроме рева магического огня, бушующего на поляне, и визга погибающих тварей. Затем все стихло. Генрих поторопился открыть глаза, чему весьма сильно мешал толстый слой сажи, облепившей его лицо. Знакомый, многократно виденный пейзаж долины и леса, окружавшего пещеру, изменился

разительно. Вдалеке сиротливо торчало несколько кривых, почерневших стволов – все, что осталось от густого ельника, а сама земля вокруг входа в пещеру выглядела так, словно неведомые силы перепахали ее огромным плугом. Войско Ринецеи исчезло. Лишь густой слой жирного, черного пепла, состоящего из останков тех, кого еще совсем недавно невозможно было пересчитать, не сбившись, – покрывал землю.

Крон, маг-хранитель, опустил руки, подрагивающие от усталости:

– Все. – Вместо слов с его посеревших губ сорвался лишь тихий шепот. – Их больше нет! Надеюсь, теперь Ринецея не раз хорошенько подумает, прежде чем снова связываться с нами.

– Надеюсь, – поддержал его Учитель, – она не скоро скопит силы, достаточные для создания подобной армии....

– Не стоит повторять ошибки и снова полагаться на ваши предположения. – Генрих непочтительно прервал рассуждения старших. – И так уже ваша доверчивость обошлась нам слишком дорого!

Крон возмущенно повернулся к дерзкому, собираясь поставить на место зарвавшегося мальчишку, но что-то совсем не детское, плескавшееся в глубине карих глаз малолетнего барона, смутило его, и волшебник замолчал, осекшись на полуслове. Глазами Генриха на старого мага смотрел отнюдь не ребенок, но истинный Повелитель, озабоченный судьбой своего народа. Недовольная гримаса исказила суровые черты мага-хранителя. Нелегко расставаться с властью, отдавать ее в другие, более молодые руки. Но Генрих не опускал взгляда, ожидая ответа.

– Да, Повелитель, – сипло выдал Хранитель, – нужно восстановить караул при входе в пещеру. Пусть несколько воинов по очереди несут дозор, потому как для создания магической защиты у нас сейчас совершенно нет сил.

– Да будет так, – кивнул Генрих. – Все остальные, включая магов, женщин и детей, спустятся на последний, нижний уровень, к пещере Совета и озеру. Думаю, что это самое безопасное место.

Подсчеты выживших привели к неутешительным результатам. Уцелело чуть меньше половины сильфов, до этого населявших узкие извилистые коридоры горы-убежища. И большая часть из них оказалась слабыми женщинами и малолетними детьми. Генрих поторопился отправить их вниз, прекрасно понимая, что вблизи поверхности они представляют собой не только лишнюю обузу, но и смертельную опасность для всего племени. Многие из воинов, сумевших спастись при налете горгулий, получили раны и ожоги разной степени тяжести. Мальчик распорядился, чтобы маги оказали посильную помощь всем пострадавшим, и оставил при себе пару десятков самых крепких воинов, которым предстояло заступать в дозор, оберегая покой своих соплеменников.

В противовес жарким, солнечным дням, ночи в Черных горах всегда оставались холодными и мрачными. Громадные каменные валуны, ограждавшие долину от любопытных взглядов, вовсе не собирались отдавать накопленное за день тепло, скупно освещая окрестности своими слабо фосфоресцирующими боками. Зрелище мертвенной, засыпанной пеплом поляны, от холода подернувшейся серебристым инеем, вызывало содрогание. Уставшие за день караульные клевали носами. Генрих зябко повел плечами, покосился на сопящего прямо на холодном каменном полу Гурга, снял теплый шерстяной плащ и укрыл спящего друга. Потом вышел на поляну и поднял голову к темному ночному небу. Небо выглядело нехорошо. Да и что могло быть хорошо после всего случившегося нынешним днем? Рваные облака грязного серого цвета закрывали звезды. Генрих прошелся по поляне, пачкая сапоги и противно похрустывая при каждом шаге. Там и сям из-под слоя пепла виднелись обуглившиеся кости и оплавившиеся металлические части оружия. Уродливый череп горгу-

льи, со свисающими лохмотьями чешуйчатой кожи, вперил в небо пустые глазницы, угрожая выставив вперед пеньки выбитых зубов. Генриха передернуло, на этот раз уже не от холода, а от чувства гадливости. Мерзкие останки цеплялись за его сапоги тощими фалангами смердящих пальцев, словно не желая отпустить ускользающую от них жертву. Барон брезгливо сплюнул и резким взмахом попытался стряхнуть чью-то костлявую конечность, крепко-накрепко прицепившуюся к пряжке высокого сапога. Пальцы не отцеплялись. Не желая прикасаться руками к подобной дряни, Генрих поднял вторую ногу и тяжело наступил на смачно треснувшие кости. И чуть не упал, потеряв равновесие. Мертвая до этого кисть лапы демона внезапно ожила, крепко ухватив его за щиколотку правой ноги. Генрих удивленно дернул ногу, но, еще мгновение назад казавшиеся мертвыми, кости тянулись следом за ним, на глазах обрастая мышцами и кожей. Холмики жирного пепла превращались в ручейки черной крови, быстро обволакивающей останки мертвых тварей. Войнство Ринецеи вновь обретало сожженную плоть. Изумленный Генрих наблюдал, как совсем рядом с ним костяк огромной горгульи сначала привстал, а потом уверенно выпрямился во весь свой огромный рост. В пустых глазницах твари загорелись угли кровавых глаз, горгулья жадно втянула воздух и, раскрыв пасть, усаженную лезвиями новых, еще более острых зубов, грозно взревела. Ее клич подхватили демоны, восстававшие из пепла по всей поляне. Генрих судорожно схватился за меч и испуганно попятился. Привлеченные движением, твари дружно повернули морды в сторону мальчика. Лязгнул выхваченный из ножен клинок, и Генрих, одним ударом снеся голову ближайшего ожившего мертвеца, бегом бросился к входу в пещеру, криком поднимая уснувших товарищей.

Глава 2

Магу-хранителю не спалось. Голова невыносимо болела такой нудной тягучей болью, словно в ней звенела сиротливая пустота, оставшаяся от полностью исчерпанной магической силы. Силы восстановятся не скоро, дней через пять – не раньше. Но старый маг совсем не удивлялся своему нынешнему, абсолютно немощному состоянию. На шестой сотне лет он был еще, пожалуй, покрепче многих своих товарищей. Вот, к примеру, Улод, маг-учитель нынешнего молодого Повелителя. Крон недовольно покосился в сторону соратника, клубком свернувшегося на соседней лежанке: совсем расклеился старик. Учитель спал беспокойно, жалобно постанывая в полудреме. Видимо, испытания сегодняшнего дня совсем вымотали Улода, за считанные часы превратив его из еще могучего пожилого мужчины – в дряхлую развалину. И это тоже не удивляло Крона. Тяжело оставаться в здравом уме и твердой памяти, бессильно наблюдая за тем, как на твоих глазах гибнут жестокой и бессмысленной смертью многие из тех, кого ты вынырчил своими руками. Крон еще немного повозился на тощей подстилке и, поняв, что освежающий сон так и не собирается осенить его своим спасительным крылом, поднялся и осторожно прошел по пещере, неслышно обходя спящих сильфов. Он вглядывался в бледные осунувшиеся лица соплеменников, горько сожалея, что не обладает в настоящий момент даже элементарной магией. Если бы он мог погрузить в не приносящий тяжелые сновидения покой хотя бы измученных женщин и детей... Большинство из них потеряли сегодня родных и друзей. Весь вечер в пещере царила паника, перемежавшаяся громким плачем напуганных детей и болезненными стенаниями раненых. Крону пришлось приложить немало усилий, для того чтобы успокоить всех бьющихся в истерике, перевязать всех страждущих и организовать горячий ужин для нескольких сотен человек. И что-то похожее на зависть промелькнуло в его душе в тот миг, когда он увидел, как спустившийся на короткое время в пещеру Генрих несколькими теплыми, рассудительными словами умудряется нейтрализовать витавшую в пещере растерянность. Маг возмущался и в то же время искренне восхищался огромной силой, проснувшейся в этот день в теле маленького мальчика, превратившей его в истинного Властелина. Десятилетний барон, не по возрасту высокий и широкоплечий, казался зрелым и мудрым Повелителем, вселяющим одним своим уверенным и сдержанным молчанием спокойствие в сердца испуганных подданных. Для измученных сильфов Генрих стал чем-то вроде единственного подарка судьбы, благим провидением, несущим надежду на то, что остатки их народа не сгинут бесследно. Достойная подражания и восхищения выдержка молодого Повелителя казалась им теперь единственным и последним барьером, отделяющим их от разрушительной ненависти жестокой лжебогини.

Крон миновал большую пещеру, заполненную легкими переносными лежанками, на которых вкушали беспокойный сон несчастные сильфы. Печальным взглядом отмечал он, как мало оставалось среди них боеспособных, не израненных в непрерывных боях воинов. И как много малолетних детей, которые, будь на то благословение судьбы, могли бы стать основой нового процветания племени. Ни у кого сегодня не хватило сил и смелости разойтись по своим личным подземным жилищам, пустые места в которых живо напоминали бы о погибших. Сильфы, объединенные одним всеобщим чувством растерянности и страха, сгрудились подобно стаду овец вокруг двенадцати Великих магов, превратившихся в обычных немощных старцев, способных только благодаря огромной силе воли оказывать сейчас хоть какую-то помощь своим соплеменникам. Да и помощь эта, откровенно говоря, заключалась в основном в благословениях и словах утешения.

Старый волшебник сокрушенно покачал всклокоченный головой, словно признаваясь в собственном бессилии. От всегдашней подтянутости и элегантности Крона не оста-

лось и следа. Покрытая копотью, а местами и порванная, одежда мало соответствовала важному титулу мага-хранителя. Но стоило ли обращать внимание на такие мелочи. Постукивая концом посоха по каменным плитам, выстилавшим пол пещеры, сильф тяжело спускался по узким ступеням, ведущим из пещеры Совета вниз, к Озеру безвременья. Каждый шаг давался старику с невероятным трудом, он подволакивал правую ногу и одышливо хрипел, но все же продолжал свой нелегкий путь, насчитывавший ровно сотню шагов. Воды озера звали и властно манили, обещая открыть такую-то страшную тайну. Крон поминутно оскальзывался на влажной узкой лестнице. Словно на обычную дубовую палку, наваливался на магический посох и молил богиню Аолу не допустить падения своего нерасторопного слуги. Спуск показался Крону бесконечным. Но, в конце концов, он миновал последнюю ступень и в очередной раз замер в немом восхищении на берегу Озера.

Озеро завораживало. Искрящийся свет, испускаемый водой, отражался от свода хрустального грота, куполом прикрывавшего Озеро и уходившего ввысь, на недостижимую глазу высоту. Изящные ступени, высеченные из белого мрамора, вели под воду, образуя сияющую дорогу, по которой когда-то давно сам легендарный король Грей унес на дно Озера саркофаги со спящими Пресветлыми богами. Причудливые надписи, состоявшие из переплетения странных рисунков и букв неизвестного языка, покрывали стены грота. Крон знал, что надписи содержали древнее пророчество, повествующее не только о будущем его народа, но и о будущем всего внешнего мира. Но, к сожалению, никто из сильфских магов не понимал странного языка, на котором были сделаны надписи на стенах. Поговаривали, что это был язык самих богов. Озеро пело. Нежный мелодичный шорох легких волн, непрерывно набегавших на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей в воды Озера, напоминал печальный голос, повествующий о чем-то прекрасном, но утерянном безвозвратно. Никто не мог оставаться долго вблизи волшебного Озера. Эхо голоса Озера вытягивало душу и забирало разум, превращая неосторожного в существо, до скончания своих дней пребывающего в состоянии, похожем на летаргический сон. Озеро почитали. Озера боялись. Озеро надежно охраняло богов, покоящихся в его глубинах. Крон наклонился над водой и пристально вгляделся, стараясь различить что-нибудь сквозь толщу воды. Но молочно-белая, практически непрозрачная, жидкость оставалась непроницаемой даже для взора мага. Лишь один сильф смог когда-то побывать на дне и вернуться назад – король Грей. Но старинные предания умалчивали о дальнейшей судьбе великого короля. Маг-хранитель провел немало времени, разбирая старые архивы и вчитываясь в строчки полуистлевших рукописей, но так и не узнал, что случилось с Греем после того, как саркофаги с богами оказались надежно укрыты в волшебных водах. Не вызывало сомнения только одно – король сумел вернуться назад оттуда, куда впоследствии не смог спуститься уже ни один сильф. В хрониках говорилось, что через пятьдесят лет после исчезновения короля один из Великих магов попробовал повторить путь Грея – и сгинул безвозвратно. С тех пор никто не осмеливался даже омочить ноги в Озере Безвременья.

Но сейчас какая-то неодолимая сила звала старого мага. Он ступил на последнюю ступень и отстраненно наблюдал, как искрящаяся вода ласково набегает на его пыльные башмаки. В глубине души Крон был безмерно напуган собственной безрассудной смелостью, но не находил в себе сил сопротивляться зову Озера. Более того, повинувшись все тому же странному велению, сильф нагнулся и погрузил в воду пальцы правой руки. И как только пальцы его прикоснулись к теплой светящейся поверхности, Крон испытал легкое головокружение от какофонии множества голосов, ворвавшихся в его сознание. Голоса кричали. Но, перебивая их все, в мозгу мага четко слышался печальный глубокий женский голос, требующий – иди, помоги, спаси. Крон чувствовал, как к нему возвращается утраченная магическая сила, вливаясь в него через обволакивающее прикосновение волшебного Озера. А женский голос становился все понятнее и четче, раздельно произнося – Генрих в беде, помоги Генриху...

И, с ужасом ощутив, что где-то очень близко творится страшное и темное волшебство, Крон испугано отшатнулся, вырвав руку из цепких объятий колдовской воды.

Генрих вихрем влетел в пещеру, буквально ощущая на своей спине смрадное дыхание настигавших его врагов. В какой-то миг мальчик обернулся – и не смог объять взглядом всей массы шипящих и рычащих тварей, жаждущих его смерти. Товарищи, разбуженные его криками, вскочили, хватаясь за оружие. Генрих поймал щит, брошенный ему Гургом, и все вокруг закрутилось, слилось в сплошную полосу колющих и рубящих рук, пения стрел и потоков нечистой, дурно пахнувшей крови. Иногда, уловив мгновение, мальчик успевал краем глаза отследить движения друзей, дравшихся так, как дерутся только обреченные, не имеющие права отступить. Гург, отбежав на несколько шагов назад и взобравшись на небольшой уступ, почти в упор бил тяжелыми арбалетными стрелами, которые, проходя навывлет, выводили из строя сразу по несколько чудовищ. И все же тварей было много, слишком много. До некоторых пор сильфов выручало только то, что толкающиеся в огромных количествах умертвия практически закупорили вход в пещеру, скорее мешая, чем помогая друг другу. Тварей было так много, что даже оружие в их лапах зачастую наносило удары не защитникам пещеры, а чудовищам из числа их же воинства. Огромные валы из поверженных туш образовались вокруг мужественных сильфов. Но на место каждого убитого чудовища тут же вставали два, а силы сильфов оказались не безграничными. И, наконец, настало то время, когда один из них вскрикнул и, выронив меч, обеими руками схватился за огромную рану в животе, оставленную клинком уродливого демона. Но друзья не успели прикрыть раненого, и волна визжащих тварей захлестнула его, поглотив без остатка. Движения усталых рук замедлялись, пот и кровь заливали глаза. Даже клинки из знаменитой сильфской стали – и те затупились от постоянного соприкосновения с костями и плотью множества врагов. Генрих двигался словно сомнамбула, давно уже перестав анализировать происходящее, чисто автоматически продолжая наносить удары. Кровавый туман застилал взор. Слух притупился, и он слышал лишь собственное тяжелое дыхание да частые бухающие удары усталого сердца. Вот он покачнулся и с горьким стоном отчаяния сделал первый шаг назад, а затем еще один, и еще один. Внезапно, словно вырываясь из забытья, мальчик ощутил чью-то мощную руку, грубо схватившую его за плечо.

– Барон, – прохрипел Борг, низко наклоняя голову с высоты своего гигантского роста к самому уху Генриха. Иначе слов было просто не разобрать на фоне диких воплей, испускаемых издыхающими тварями, – забирай воинов и уходи вниз...

– А ты? – Генрих недоуменно уставился на знаменитого фехтовальщика.

– Десять гнусных гоблинов тебе в селезенку, сосунок! – зарычал Борг, продолжая ловко орудовать клинком. – Я их задержу!

– А дальше-то что? – Генрих недоуменно тряс головой, словно выплывая из обморочного водоворота, захватившего его сознание.

– А дальше – думать будешь. – Борг одним ударом раскрыл почти до пояса тело какого-то резвого зомби и захохотал, оскалив зубы, выглядевшие неправдоподобно белыми на залитом кровью лице. – На то ты и Повелитель, чтобы думать. Я их здесь надолго задержу. Проход-то узкий, больше чем по двое они нападать не смогут. Вот это по-моему... – и, смачно хакнув, он снова, по самую рукоять, вонзил свой меч в чью-то бурую тушу. Потом положил измазанную кровью руку на затылок Генриха и, ласково потянув за волосы, заставил его поднять голову, взглянув прямо в глаза мальчика.

– Я ради сегодняшнего дня всю жизнь жил. Да и отцу твоему я много чего должен, – добавил он уже тише. – А твой долг не в том чтобы здесь погибнуть, а в том, чтобы народ спасти!

После этого, видимо, решив, что все нужное уже сказано, Борг оттолкнул мальчика себе за спину и снова безумно расхохотался, загораживая своей массивной фигурой весь проход, ведущий в глубь пещеры.

Теря драгоценные мгновения, Генрих нерешительно медлил, вглядываясь в спину героя, а затем отсалютовал ему клинком и вложил его в ножны. Повернулся к товарищам, собираясь скомандовать отступление, и горестно вздохнул. Кроме них с Гургом в живых осталось всего пять воинов – все с легкими, но многочисленными ранами. Да и сам Гург болезненно морщился, осторожно наступая на рассеченную вдоль голени ногу.

– Нужно уходить. – Генрих подставил плечо, бережно подхватывая раненого друга. – Борг их задержит. Ты сможешь прыгать на одной ноге?

Гург прикусил губу, чтобы не закричать от боли, но решительно кивнул.

– Они ворвутся вниз на наших спинах! Ты об этом не думаешь? – хмуро процедил один из воинов, сероглазый, с седыми висками. – А у меня там жена и три дочери.

Генрих выпрямился, продолжая поддерживать Гурга, но не смутился под пристальным взглядом сероглазого.

– Не ворвутся!

Важная мысль билась где-то на грани сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.